

Это цифровая копия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие засиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредиринали некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оптического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

32101 073672105

Анахим, прото^роте^п.

ЖИТИЕ

ПРОТОПОПА АВВАКАУМА

911
12-55

ИМЬ САМЫМЪ НАПИСАННОЕ.

Издано подъ редакціею

Н. С. ТИХОНРАВОВА.

Издание Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».

1861.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяетя. Ноября 1 дня 1861 года.

Цензоръ Архимандритъ Макарій.

104837
'07

Аввакумъ прoтoпoвъ понужденъ бысть житie
свое написati инокомъ Епифанiемъ (понеже отецъ
ему духовный инокъ), да не забвенiю предано
будеть дѣло божiе, и сего ради понужденъ бысть
отцемъ духовнымъ, на славу Христу Богу нашему.
Аминь.

Всесвятая Троице! Боже и Содѣтелю всего мi-
ра поспѣши и паправи сердце мое начати съ
разумомъ и кончiti дѣлы благими, яже нынѣ
хощу глаголати азъ недостойный; разумъ же
свое невѣжество, припадая, молю Ти ся и еже
отъ Тебя помощи прося: управи умъ мой и у-
тверди сердце мое приготовитiся на творенiе
добрыхъ дѣль, да, добрыми дѣлы просвѣщенъ,
на судищи десныя Ти страны причастникъ буду
со вѣми избранными твоими. И нынѣ, Владыко,
благослови, да, воздохнувъ отъ сердца, и язы-

1627

16

136 (RECAP)

19

1

комъ возлаголю Діонисія Ареопагита о божественныхъ именѣхъ, что есть Богу присносущныя имена, истинныя, еже есть близостныя—и что виновныя, сирѣчь похвальныя. Сія суть сущія: *Сый, Свѧтъ, Истина, Животъ*, только четыре свойственныхъ; а виновныхъ много, сія суть: *Господь, Вседержитель, Непостижимъ, Неприступенъ, Трисіяненъ, Тріпостасенъ, Царь славы Непостояненъ, Онь, Духъ, Богъ* и проч. По тому разумѣвай того же Діонисія о истинѣ: «себѣ бо отверженіе истины испаденіе есть, истина бо сущее есть». Аще бо истина сущее есть, истины испаденіе сущаго отверженіе есть (отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти нѣсть). Мы же речемъ: «Потеряли новолюбцы существо божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа, святаго и животворящаго Духа», по Діонисію. Коли ужъ истины испали, тутъ и сущаго отверглися. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ и еже не быти,—нѣсть того въ немъ: присносущенъ истиинный Богъ нашъ. Лучше бы имъ въ оумѣ вѣры не глаголати *Господа винословнаго*, ~~иже~~ нежели «*истиннаго*

отсѣкати, въ немъ же существо божіе содер-
жится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣ-
дуемъ и въ Духа Святаго, Господа истиннаго и
животворящаго, свѣта нашего, вѣруемъ съ От-
цемъ и Сыномъ покланяемаго, за него же страж-
демъ и умираемъ помощію Его владычнею. Тѣ-
шить насъ Діонисій Ареопагитъ; въ книгѣ его
сице пишеть: «сей убо есть во истину истин-
ный христіанинъ, зане истиннаго разумѣвъ Хри-
ста и тѣмъ благоразумія отяжавъ, изступивъ
убо себѣ, не сый въ мірскомъ ихъ нравѣ и пре-
лести; себя же вѣсть трезвяща и измѣнена вся-
каго прелестнаго певѣрія, пе токмо даже до
смерти бѣдствующе истины ради, но и вѣдѣ-
ніемъ скончевающеся всегда, разумно же живу-
щіи христіане суть свидѣтельствуемы». Сей Ді-
онисій наученъ вѣрѣ христовѣ отъ Павла апо-
стола, живый во Аѳинѣхъ, прежде даже не прі-
йти въ вѣру христову, хитрость имѣй исчитати
бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся
сія вмѣниихъ быти, яко уметы. Къ Тимофею пи-
шеть въ книгѣ своей, сице глаголя: «дитя! али
не разумѣешь, яко вся сія виѣшняя блядь ни-

*

что же суть, но токмо прелесть и тьма и пагуба? Азъ проидохъ дѣломъ и ничто же обрѣтохъ, но токмо тщету». Чтый да разумѣеть: исчитати бѣги небесныя любять погибающіи, понеже любве истинныя не пріяша, во еже спасстися имъ; и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи о неправдѣ. Чти Апостоль, зачало 275. Сей Діонисій еще не прідохъ въ вѣру христову съ ученикомъ своимъ; во время распятія господня, бывъ въ Солнечномъ градѣ, и видѣвъ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полуночи на небеси явилися чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку прииде, или Богъ Слово плотю страждеть;» понеже не по обычай тварь видѣ измѣненну и сего ради бысть въ недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечномъ знаменіи, когда затмится: «есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сии луны Богъ положилъ не въ предѣлѣхъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знаменія творя, или во-

гнѣвъ, или въ милость, по обычаю текуще. Ег-
иа заблудная звѣзда, еже есть луна, подте-
аетъ подъ солнце отъ запада и закроетъ свѣтъ
олнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ бо-
гій къ людямъ бываетъ; егда же бываетъ—отъ
остока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе
воряще закрываетъ солнце.» А въ нашей Рос-
іи бысть знаменіе: солнце затмилось во 162
оду предъ моромъ за мѣсяцъ или меныше. Плыть
долгою рѣкою архіепископъ Симеонъ сибирскій
въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ
немъ недѣли за двѣ: часа съ три, плаучи, у
ерега стояли; солнце померче, отъ запада луна
одтекала; по Діонисію, являше Богъ гнѣвъ свой
ъ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ
ѣру казиль и законы церковные, и сего ради
огъ изліяль фіалъ гнѣва ярості своей на рус-
скую землю. Эѣло моръ великъ былъ; нѣколи
ще забыть, вси помнимъ. Потомъ, минувъ го-
ловъ съ 14-ть, въ другой рядъ затменіе солнцу
было. Въ Петровъ постъ въ пятокъ въ часъ
—ї тьма бысть, солнце померче, луна подте-
ала отъ запада, гнѣвъ божій являя: и прѣто-

попа Аввакума, бѣднаго горемыку, въ то время съ прочими острigli въ соборной церкви власти и на утрени (*) въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣваетъ, что дѣлается въ земль нашей за нѣстроеніе церковное. Говорить о томъ полно: въ день вѣка позиано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Навинѣ во Израилі. «Егда Ісусъ сѣкій иноплеменники, и бысть солнце противу Гаваона, еже есть на полдень. Стаси крестообразно, сирѣчь распространѣ руцѣ свои; и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби, возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь на западъ отбѣжало и паки потече; и бысть во дни томъ и въ нощи 34 часа, понеже въ 10 часахъ отбѣжало, такъ въ суткахъ 10 часовъ прибыло. И при Езекіи царѣ бысть знаменіе: оттече солнце всіять во второй надесять часъ дня и бысти во дни и въ нощи 36 часовъ.» Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешь.

(*) По другому списку: на Угрѣшу.

Онъ же Діонисій пишеть о небесныхъ силахъ, росписуетъ, возвѣщаю, како хвалу приносять Богу, раздѣляя 9-ть чиновъ на три Троицы.— Престоли, Херувими и Серафими освященіе отъ Бога приемлютъ и сице восклицаютъ: «Благословенна слава отъ мѣста господня!» и чрезъ сихъ проходитъ освященіе на 2-ю Троицу, еже есть Господства, Начала, Власти. Сія Троица, славословия Бога, восклицаетъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія! по алфавиту: аль Отцу, аль Сыну, аль Духу Святому. Григорій Нисскій толкуетъ: аллилуія — хвала Богу; а Василій Великий пишеть: «аллилуія — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: Слава Тебѣ, Боже!» До Василія пояху въ церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда же бысть Василій, и повелъ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третью человѣческую сице: аллилуія, аллилуія, слава тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской бляди. Мерзко Богу четверичное воспѣваніе сицевое: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да

будеть проклятъ сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третья Троица: Силы, Архангелы, Ангелы, чрезъ среднюю Троицу освященіе пріемля, поютъ: Святы, святы, святы, Господь Саваоѳъ, исполнъ небо и земля славы Его! Три тричисленно и сіе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуїи: явилася ученику Евфросина псковскаго, именемъ Василію. Велика во аллилуїи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика. — По Римски святую Троицу въ четверицу глаголуть, Духу и отъ Сына исхожденіе являютъ, еже и проклято се мудрованіе Богомъ и святыми; правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго о Христѣ Іусъ, Господѣ нашемъ, Ему же слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Аѳанасій Великій рече: «иже аще кто хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическая вѣра, еяже, аще кто цѣлы и непорочны не соблюдетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣраже каѳолическая сія есть: да будеть, Бога въ Троицѣ и Троице въ единицѣ почитаемъ, ниже сливающе со-

ставы, ниже раздѣляюще существо. Инь бо есть составъ Отечъ, инь Сыновенъ, инь Святаго Духа; но Отче и Сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна сила, соприсносущно величество: яковъ Отецъ таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый; вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый; несозданъ Отецъ, несозданъ Сынъ, несозданъ и Духъ Святый. Не три Бози, но единъ Богъ; не три созданіи, но единъ несозданный, единъ вѣчный. Подобне: вседержитель Отецъ, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святый; равно непостижимъ Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый: обаче не три вседержители, но единъ Вседержитель; не три непостижиміи, но единъ непостижимый, единъ присносущный. И въ сей святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее; ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе; обще же есть божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати о вочеловѣченіи Бога Слова къ вашему спасенію). За благость щедротъ

излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ,—Слово божіе, въ дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало и, воплотився отъ Духа свята и Маріи дѣвы вочеловѣчлься, насъ ради пострадаль, воскресе въ третій день, и на небо вознесеся, и сѣде одесную величества на высокихъ, и хощеть паки прійти судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Егоже царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму; прежде даже не вообразитися (совѣтъ Отечъ), рече Отецъ Сынови: «Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію.» И отвѣща другій: «Сотворимъ, Отче! И приступи убо и паки рече: «О единородный Мой! о святе Мой! о Сыне и Словѣ! о сіяніе славы моей! аще промышляєши созданіемъ своимъ, подобаетъ Ти облещися въ тлимаго человѣка, подобаетъ Ти по землѣ ходити, плоть воспріяти пострадати и вся совершити.» И отвѣща другій: «Буди, Отче, воля Твоя.» И по семъ создася Адамъ. Аще хощени пространно разумѣти, чѣмъ Маргаритъ, слово о вочеловѣченіи: тамъ обрящеши. Азъ кратко помянулъ, смотрѣніе показуя

Сице всякъ вѣруяй не постыдится; а невѣруяй
осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вы-
шереченному Аѳанасію. Сице азъ, протопопъ
Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ жи-
ву и умираю.

Рожденіе же мое въ нижегородскихъ предѣ-
лѣхъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ.
Отецъ ми бысть священникъ Петръ, мати Марія,
инока Мареа. Отецъ же мой прилежаше питія
хмѣльнаго; мати же моя постница и молитвен-
ница бысть, всегда учаще мя страху божію. Азъ
же нѣкогда видѣхъ у сосѣда скотину умершу-
ю, той нощи возставши, предъ образомъ пла-
кався довольно о душѣ своей, поминая смерть,
яко и мнѣ умереть; и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ
по вся нощи молитися. Потомъ мати моя овдо-
вѣла, и я осиротѣль молодъ, и отъ своихъ со-
племенниковъ во изгнаніи быхомъ. Изволила же
мати моя меня женить. Азъ же пресвятѣй Бо-
городицѣ молихся, да дастъ ми жену помощ-
ницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица,
сиротина жь, безпрестанно обыкла ходити въ
церковь, имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ ку-

пецъ Марко, богатъ гораздо и, егда умре, послѣ
его все истощилось. Она же въ скудости живи-
ше и молящеся Богу, даже сочетается за меня
совокупленіемъ брачнымъ; и бысть по волѣ бо-
жій тако. По семь мата моя отшедъ къ Богу
въ подвигъ велицъ. Азъ же отъ изгнанія пре-
селихся во ино мѣсто, рукоположенъ во діакона
20 лѣтъ съ годомъ, и по дву лѣтѣхъ въ иночи-
настствованіе. Живый въ иночищѣ 8 лѣтъ, и потомъ
совершенъ въ протопоны православными епи-
скопы, тому 20 лѣтъ минуло; а всого 30 лѣтъ,
какъ имѣю священство.

А егда въ иночищѣ быль, тогда имѣль у себя
дѣтей духовныхъ много: по се время сотъ съ-
нять или съ шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣш-
ный, прилежа въ церквахъ и въ домѣхъ, и на
распутяхъ, по градомъ и селомъ, еще же
и въ царствующемъ градѣ, и во странѣ си-
бирской, проповѣдуя и уча слову божію, го-
довъ будетъ тому съ полтредъятцать. Егда
еще быль въ иночищѣ, прииде ко мнѣ испо-
вѣдатися дѣвица, многими грѣхами обремененна,
блудному дѣлу (и малакіи всякой) повинна, нача-

мнѣ, плакавшия, подробну возвѣщати въ церкви, предъ евангеліемъ стоя. Азъ же троекаянвый и врачъ самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ, и горько бысть мнѣ въ той часъ: зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку правую на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе, и отпустия дѣвицу, сложа ризы, помоляся, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ въ свою избу, плакався предъ образомъ господнимъ, яко и очи опухли; и моляся прилежно, да отлучить мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ, понеже бремя тяжко, неудобъ носимо. И падохъ на землю на лицѣ своемъ, рыдаше горьцѣ; и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачу. А очи сердечніи при рѣкѣ Волгѣ; вижу: плывутъ стройно два корабля златы и веслы на нихъ златы, и шесты златы, и все золото; по единому кормщику на нихъ сидѣльцевъ; и я спросилъ: «чие корабли?» а они отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентьевъ». Сіи быша ми духовніи дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія и скончалися богоугодно. А се потомъ ви-

жу: третій корабль, не златомъ украшень, но разными пестротами, красно и бѣло, и сине, и черно и пепельно, егоже умъ человѣчъ не вмѣсти красоты его и доброты. Юноша свѣтель, на кормѣ сидя, прави, и я вскричалъ: «чей корабль?» и сидлї на немъ отвѣщаль: «твой корабль; долывай на немъ съ женою и дѣтьми, коли докучаешь». И я, вострепетавъ и сѣдше, разсуждаю: что се видимое и что будетъ плаваніе?

А се по малѣ времени, — по писанному, — объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя; скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочерь, и азъ молихъ его, даже сиротину возвратить къ матери; и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бури: у церкви пришедъ сонмъ, до смерти меня задавили. И азъ, лежа мертвъ полчаса и больше, и паки оживе божіимъ мановеніемъ, и онъ устранился, отстушился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діаволъ: пришедъ въ церковь, билъ и волочиль меня за ноги по землѣ въ ризахъ, и я молитву въ то время говорю.

Также инъ начальникъ во ино время на мя раз-

свирапѣлъ. Прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, билъ ме-
ня и у руки отгрызъ персты, яко песь, зубами;
и егда наполнилась гортань его крови, тогда ру-
ку мою испустилъ изъ зубовъ своихъ и, покиня
меня, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагода-
ря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ ве-
черни; и, егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня
онъ же паки съ двѣма малыми пищалями и, близъ
меня бывъ, запалилъ изъ пистола и божію волею
на полѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила.
Онъ же бросился на землю, и изъ другія паки
запалилъ также, и божія воля учинила также: и
та пищаль не стрѣлила. Азъ, прилежно идучи,
молюсь Богу, единою рукою осѣнилъ его и по-
клонился ему; онъ меня лаѣтъ, а я ему рекъ:
«благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіопо-
вичъ, да будетъ!» По семъ дворъ у меня отнялъ
и меня выбилъ, все ограбя, и на дорогу хлѣба
не далъ. Въ тоже время родился сынъ мой Про-
копій, который сидѣть съ матерію въ землѣ за-
копанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати некре-
щенаго младенца, побрели, аможе Богъ васта-
витъ и на пути крестили якоже Филипъ каже-

ника древле. Егда же азъ прибрель къ Москвѣ, къ духовнику, протопопу Степану и къ Неронову протопопу Іоанну, они же обо мнѣ царю возвѣстиша, и государь меня почаль съ тѣхъ поръ знати. Отцы же граматою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащился: ано и стѣны раззорены моихъ храминъ и я паки завелся, и діаволъ паки воздвигъ на меня бурю.

Придоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ,—одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня *Василій Петровичь Шереметьевъ*, плывучи Волгою въ Казань на воеводство, взявъ на судно и браня много и велѣвъ благословить сына своего Матвѣя, *брадобрица*. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицаль, видя блудносный образъ. Боляринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, нротолкали, а опослѣ учинились добры до менѧ: у царя на сѣяхъ прощались, а брату моему

меньшому боярыня Васильева и дочь духовная
была. Такъ то Богъ строить своя люди.

На первое возвратимся. Тоже инь начальникъ
на мя разсвирепѣль: прѣхаль съ людьми ко
двору моему, стрѣляль изъ луковъ и изъ пища-
лай съ приступомъ; и азъ въ то время молился съ
воинемъ ко Владыкѣ: «Господи ! укроти его и
примири, иниже вѣси, судьбами». И побѣжалъ
отъ двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Тоже въ
ночь ту прибѣжали отъ него и зовутъ меня со
многими слезами: «Батюшко! Еуфимій Степано-
вичъ при кончинѣ и кричить неудобно, бѣть се-
бя и охаетъ, а самъ говорить: «дайте мя бать-
ки Аввакума, за него Богъ меня наказуетъ». И
я чаяль, меня обманываютъ: ужасеся духъ мой
во мнѣ и се помолилъ Бога сице: «Ты, Господи,
извѣдый мя изъ чрева матери моей и отъ не-
бытия въ бытіе устроилъ: аще меня задушашъ и
ты причти мя съ Филиппомъ, митрополитомъ
московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти мя съ
Захарію пророкомъ; аще въ воду посадятъ, и
Ты яко, Стефана пермскаго, паки освободиши
мя!» И моляся побѣжалъ въ домъ къ нему, Еуфи-

мію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣгла жена его Неонила и ухватила меня подъ руку и сама говоритъ: «Подитко, государь нашъ батюшко! Подитко, свѣтъ нашъ цермилецъ!» И я супротивъ того: «Чудно! давеча былъ бляднъ сынъ, а теперече батюшко; больше у Христа того остра шелапуга та; скоро повинился мужъ твой.» Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ пострины Еуфимій, паль предъ ногами моими, воинъ неизрѣченно: «прости государь! согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою»; а самъ дрожитъ весь. И я ему сопротиво: «Хощени ли впредъ цѣль быти?» Онъ же лежа отвѣща: «ей! честный отче!» и я рекъ: «возостави, Богъ простить тя». Онъ же наказанъ гораздо, не могъ самъ возстati и я поднялъ и положилъ его на постель, и исповѣдалъ и масломъ священнымъ помазалъ и бысть здравъ. Такъ Христосъ изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно въ домъ мой и съ женою быша ми дѣти духовные, изрядны рабы христовы. Такъ то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

По малъ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста то-

го въ другой рядь. Азъ же сволокся къ Москвѣ и божіею волею государь меня велѣль въ протопоны поставить въ Юрьевцѣ повольскомъ. И тутъ пожилъ не много, только 8 недѣль. Діаволь научилъ поцовъ, и мужиковъ и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлаль, и вытаща меня изъ приказа (собраніемъ человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожемъ и топтали, и бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжали и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вонять: «убить вора, блядина сына да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». — Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ; на Кострому пребѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ горе! нигдѣ отъ діавола житъя нѣть! Прибрель къ Москвѣ; духовнику Стефану пока-

зался; и омъ на меня учинился печалень: на что де церковь соборную покинула? Опять мнъ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ;—опять кручиня: На что де городъ покинула? И жена, и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались невѣдомо живы, невѣдомо прибиты,—тутъ паки горе!

По семъ *Никонъ, другъ нашъ*, привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его прїездѣ духовникъ Стефанъ, моля Бога и постяся седмицу съ братію и я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ и съ митрополитомъ казанскимъ, написавъ челобитную за руками подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указаль на Никона митрополита. Царь его и послушалъ и пишетъ къ нему посланіе на встрѣчу: «Преосвященному митрополиту Никону, новгородскому и великолуцкому и всея Россіи радоватися и прочая». Егда же прїехалъ, съ нами яко листъ, челомъ да здорово: вѣдаетъ, что

быть ему въ патріархахъ и чтобы откуля помѣш-
ка какова не учнилось. Много отъхъ козняхъ го-
ворить. Егда поставили патріархомъ, такъ друзей
не стало и въ крестовую пускать и сей ядъ от-
рыгнуль.

Въ постъ великий прислали память къ казан-
ской къ Неронову Ioannу. (А мнѣ отецъ духов-
ный былъ, я у него все и жилъ въ церкви; егда
куда отлучится, азъ вѣдаю церковь; и къ мѣ-
сту говорили на дворецъ къ Спасу на Сирино
покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у
меня радѣніе худо было: любо мнѣ у Казанскія,
то и держался: чель народу книги, много людей
приходило). Въ памяти Никонъ пишетъ годъ,
число «по преданию святыхъ Апостоль и свя-
тыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія
творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ твори-
ти покловы, еще же и тремя персты бы крести-
лись». Мы же задумалися, сошедшия между
собою: видимъ, яко зима хощеть быти; сердце
озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ
мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ,
седмицу въ палаткѣ молился, и тамъ ему отъ

образа гласть бысть во время молитвы: «время приимъ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плаучи, сказалъ также коломенскому епископу Павлу, егоже Никонъ напо лѣдокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлѣхъ, потомъ Даниилу, костромскому протоиону, также сказалъ и всей братіи. Мы съ Даніиломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи церстъ и о поклонѣхъ и пѣдали Государю. Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнитъ ми ся, Никону отдалъ. Послѣ того вскорѣ схвативъ Никонъ Даніила въ монастырѣ за тверскими вороты, при царѣ острогъ голову и содравъ однорядку, ругая, отвелъ въ Чудовъ въ хлѣбию и, муча много, сослалъ въ Астрахань; вѣнецъ терновъ на главу тамъ ему возложили, въ земляной тюрьмѣ уморили. Послѣ Даніилова стриженья взяли другаго Темниковскаго Даніила же протопопа и посадили въ монастырѣ у Спаса на Новомъ. Тажь съ протопопа Неронова Ивана въ церкви скуфью сняль и посадиль въ Симоновѣ монастырѣ, а послѣ сослалъ на Вологду въ Спасовъ Каменный мо-

настырь, потомъ въ Кольскій острогъ и на по-
слѣдокъ по многомъ страданіи, изнемогъ бѣд-
ный: принялъ три перста да такъ и умеръ. Охъ
горе! Всякъ мняйся стояти да блюдетъ, да ся
не падетъ: люто время, по реченному Госпо-
демъ, аще возможно духу антихристову прель-
стити и избранныя. Зъло надобно крѣпко мо-
литися Богу, да спасеть и помилуетъ насъ, яко
благъ и человѣколюбецъ. Таже меня взяли отъ
всенощнаго Борисъ Нелединскій со стрѣльцами,
человѣкъ со мною до шестьдесятъ взяли, ихъ
въ тюрьму отвели, а меня на патріарховъ дворѣ
на цѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало
въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу
и растянули руки и везли отъ патріархова дво-
ра до Андроньева монастыря и тутъ на цѣпи
кинули въ темную палатку, ушла въ землю, и
сидѣлъ три дня, не ъль не пиль во тьмѣ, сидя,
кланяяя на цѣпи, не знаю на востокъ, не знаю
на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо
мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ до-
вольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ,
сирѣть ѿсть захотѣлъ, и послѣ вечерни ста пре-

до мнею не вѣмъ ангель, не вѣмъ человѣкъ,— и по се время не знаю, — токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ цѣпью къ лавкѣ привелъ, и посадилъ и ложку въ руки даль хлѣбца немножко и штейцъ даль похлебать, зѣло превкусны хороши, и рекль мнѣ: «полно, довлѣеть ти ко укрѣпленію». Да и не стало его, двери не отворились и его не стало, дивно только человѣкъ а что же ангель? ино нечemu дивитъся, вездѣ ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братію пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую цѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началь: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чепъ торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ простить въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣль тутъ я 4 недѣли.

Въ то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго. Въ соборной церкви при царѣ остригъ въ обѣдню; во время переноса

спяль патріархъ со главы у архидіакона дисжось и поставилъ на престоль съ тѣломъ христовыи и съ чашею. Архимандритъ чудесній Ферапонтъ виѣ олтаря при дверяхъ царскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣла христова пуще жидовскаго дѣйства! Остригши, содрали съ него однорядку и кафтанъ. Логинъ же ражжегся ревностю божественнаго огня, Никона порицая, и чрезъ порогъ въ олтарь въ глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя съ себя рубашку, въ олтарь въ глаза Никону бросилъ; и чудно: растопоряся рубашка, и покрыла на престолѣ дисжость, будто воздухъ. И въ то время и царица въ церкви была. На Логина возложили цѣпь и, таща изъ церкви, били метлами и шелепами до богоявленскаго монастыря, и кинули въ палатку ночью и стрѣльцовъ на караулѣ поставили накрѣпко стоять. Ему же Богъ въ ту нощь шубу новую да шапку даль; а на утро Никону сказали и онъ, разсмѣявся, говорить: «Знаю су я пустосвятовъ тѣхъ»; — и шапку у него отняль а шубу у него оставилъ.

По семъ иаки меня изъ монастыря водили пѣ-

шаго на патріарховъ дворъ; также, руки растопя, и стязався много со мною, наки также отвѣли. Тоже въ Никитинъ день ходъ со кресты, а меня наши на телегѣ везли противъ крестомъ. И привезли къ соборной церкви стричь, и держали въ обѣдню на порогѣ долгое. Государь съ мѣста сошелъ и, приступя къ патріарху, упросилъ не стричь: и отвели въ сибирской приказъ, и отдали діаку Третьяку Башмакову, что нынѣ страждеть же по Христѣ — старецъ Савватій, сидѣть на Новомъ, въ земляной же тюрьмѣ: спаси его, Господи! и тогда дѣлалъ мнѣ добро. Также послали меня въ Сибирь съ женомъ и дѣтьми, и колико дорогою нужды бысть, того всего много говорить, развѣ малая часть помянуть. Протопопица младенца родила, больную въ телегѣ и повезли до Тобольска; 3000 верстъ недѣль съ тринадцать волокли телѣгами и водою, и санями половину пути.

Архіепископъ въ Тобольскѣ къ мѣсту устроилъ меня. Тутъ у церкви великия бѣды постигоща меня: въ полтора года пять словъ государевыхъ сказывали на меня, и единъ нѣкто архіепископ-

ля двора Дьякъ Иванъ Струна, тотъ и душою мою потрясь. Съѣхалъ архіепископъ къ Москвѣ, а онъ безъ него дьявольскимъ наученьемъ напаль на меня: церкви мои дьяка Антона мучить напрасно захотѣль. Онъ же Антонъ утече у него и прибѣжалъ въ церковь ко мнѣ. Той же Струна Иванъ, собрався съ людьми, во инь день прииде ко мнѣ въ церковь, — и я вечерню пою,— и вскочилъ въ церковь, ухватилъ Антона на клиросъ за бероду. А я въ то время двери церковные затворилъ и никого не пустилъ; одинъ онъ Струна вертится, что бѣсь; и я, покиня вечернию, съ Антономъ посадилъ его среди церкви на полу и, за церковный мягежъ, постегалъ его ремнемъ нарочито таки; а прочіи человѣкъ съ двадцать вси побѣгоша, гоними Духомъ Святымъ. И покаяніе отъ Струны принялъ, наки отпустилъ его къ себѣ. Сродницы же Струнины, попы и чернецы весь возмутили градъ, да како меня погубять. И въ полуночи привезли сани ко двору моему, ломились въ избу, хотя меня взять и въ воду свезти: и божиимъ страхомъ отгнаны быша и побѣгоша вспять. Мучился я

съ мѣсяцъ отъ нихъ, бѣгающи вѣтами; иное въ церкви ночную, иное къ воеводѣ уйду, иное въ тюрьму просился,—ибо не пустятъ. Провожалъ меня много Матвѣй Ломковъ, иже и Митрофанъ именуемъ въ чернцахъ, а послѣ на Москву у Павла митрополита различимъ быль; въ соборной церкви съ діакономъ Аѳанасіемъ меня стригъ: тогда добръ быль, а нынѣ діаволъ поглотилъ его. Потомъ прїѣхалъ архіепископъ съ Москвы и правилью виною его Струну на цѣпь посадилъ за сіе. Нѣкій человѣкъ съ дочерью кровосмѣщеніе сотворилъ и онъ, Струна, полтину взялъ, и не наказавъ мужика, отпустилъ. И владыка его сковать приказалъ и мое дѣло тутъ же помянулъ. Онъ же Струна ушелъ къ воеводамъ въ приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Воеводы отдали его сыну боярскому лучшему, Петру Бекетову за приставъ. Увы! погибель пришла на дворъ Петру, аще и души моей горе тутъ есть. Подумавъ архіепископъ со мною, по правиламъ за вину кровосмѣщенія сталъ Струну проклинать въ недѣлю православія въ церкви большой. Той же Бекетовъ Петръ, пришедъ

въ церковь, браня архіепископа и меня, и въ той часъ изъ церкви пошедъ, и сбѣсился, ко двору своему идучи, и умре горькою смертію злѣ. И мы со владыкою приказали тѣло его среди улицы собакамъ бросить, даже граждане оплачутъ его согрѣшеніе; и сами три дня прилежнѣе стужали Божеству, даже въ день вѣка отпустится ему. Жалѣя Струну, такову пагубу себѣ пріяль, а по трیехъ днехъ владыка и мы сами честнѣ тѣло его погребли. Полно того плачевнаго дѣла говорить!

По семъ указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь Никонову. Въ тоже время пришла съ Москвы граматка: два брата жили у царицы вверху и оба умерли въ морѣ и съ женами и съ дѣтьми, и многіе друзья и сродницы померли; изліяль Богъ на царство фіяль гнѣва своего. Да не узнались горюны, однако церковію мятуть. Говорилъ тогда и сказывалъ Нероновъ царю: «Три пагубы за церковный раздоръ: морѣ, мечь, раздѣленіе». То и сбылось во дни наша нынѣ; но милостивъ Господь: наказавъ

покаяніи ради, и помилуетъ насть, прогнавъ болѣзни душъ нашихъ и тѣлесъ, и тишину подастъ. Уповаю и надѣюся на Христа, ожидаю милосердія его и чаю воскресенія мертвыхъ.

Также сѣль опять въ корабль свой, еже показанъ ми,— что выше сего рекохъ,— поѣхалъ на Лену. А какъ прїѣхалъ въ Енисейскъ, другой указъ пришелъ: велѣно въ Даурію везти, — двадцать тысячи и больше будетъ отъ Москвы,— и отдать меня Аѳанасию Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучить, и бить; и я его много уговаривалъ да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ буде въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребята кое какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи! спаси! Господи, помози!» И божіею волею прибило насъ къ берегу; много о томъ

говорить. На другомъ дощеникѣ двухъ человѣкъ сорвало и утонули въ водѣ. По семъ, оправяся на берегу, и опять поѣхали впередь. Егда прїѣхали на Шаманокой порогъ, на встрѣчу приплыли люди иные къ намъ, а съ ними двѣ вдовы: одна лѣтъ во 60, а другая и больше, пловутъ постригшись въ монастырь. А онъ Пашковъ сталъ ихъ ворочать и想要 за мужъ отдать; а я ему сталъ говорить: «но правиламъ не подобаетъ таковыхъ за мужъ давать». И чѣмъ бы ему, послушавъ меня, и вдовъ отпустить; а онъ вздумалъ мучить меня, осердясь. На другомъ Долгомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де но горамъ, а съ казаками не ходи». О горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесь каменной, яко стѣна стоять,—и поглядѣть, заломя голову; въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великие; въ нихъ же витаютъ гуси и утицы—перie красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иные дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же го-

рахъ гуляютъ звѣри многіе: дикія козы, и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрьми и птицами видѣти, и азъ ему малое писаныце написалъ, сице начало: «Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимъхъ и призывающаго въ бездны, Егоже трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь» и прочая.. Тамъ многонько писано; и послалъ къ нему. А и бѣгутъ человѣкъ съ пятьдесѧть: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты съ три; стояль я, казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ъѣдять, и дрожать, а иные, глядя, плачутъ на меня; жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожить; началь мнѣ говорить: «Попъ или распопъ?» И азъ отвѣщалъ: «Азъ есмь Аввакумъ, протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до меня?» Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, также по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чепъ ухватя, лежачаго по

спинъ ударили трижды и, разболокти, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божій! помогай мнѣ! Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади». Ко всякому удару молитву говорилъ, да середи побої вскричаль я къ нему: «полво бить то»; такъ онъ велѣль перестать. И я промолвилъ ему: «За что ты меня бѣшь: знаешь ли?» И онъ велѣль паки бить по бокамъ; и опустили: я задрожалъ да и упалъ; и онъ паки велѣль меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть кинули. Осенья была, дождь на меня шелъ всю ношь, подъ капелью лежалъ; какъ били, такъ небольно было съ молитвою то; а, лежа, на умъ взбрело: «За что ты, Сыне Божій, попустилъ меня таково больно убить меня? я вѣдь за вдовы Твоя стала; кто дастъ судію между мною и Тобою? когда вѣровалъ, и ты меня такъ не оскорблялъ; а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ». Будто добрый человѣкъ, другой Фарисей съ навозною рожей, со владыкой судиться захотѣлъ! Аще Йовъ и говорилъ такъ, да онъ праведенъ, непо-

рочень; а се и писанія не разумѣль, внѣ закона въ странѣ варварствѣ, отъ твари Бога позналъ. А я первое грѣшникъ, второе на законѣ почиваю и писаніемъ отвсюду подкрайляемъ: «яко многими скорбями подобаетъ намъ винти въ царство небесное»; а на такое безуміе пришелъ. Увы мнѣ! какъ дощеник — отъ въ воду не погрязъ со мною? Стало у меня въ тѣ поры кости тѣ щемить, и жилы тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталь; воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнухъ да покаялся предъ Владыкою, и Господь свѣтъ милостивъ, не поминаетъ нашихъ беззаконій первыхъ, покаянія ради: и опять не стало ничто болѣть.

На утро кинули меня въ лодку и на предъ повезли. Егда прїѣхали къ порогу самому большому Падуну, рѣка въ томъ мѣстѣ шириной съ версту, три заливка чрезъ всю рѣку зѣло круты, не воротами что попловеть, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ: сверху дождь и снѣгъ, а на мнѣ на плеча накинутъ кафтанишко просто; льетъ вода по брюху и по спинѣ, — нужно было гораздо. Изъ лодки вы-

таница, по каменю скованна около порога ташли; грустно гораздо, да душъ добро: не пеяю уже на Бога. Въ другой рядъ на умъ пришли рѣчи, Пророкомъ и Апостоломъ рѣченныя: «сыне! не пренемогай наказаніемъ господнимъ, иже ослабъй, отъ него обличаемъ: Его же любить Богъ, того наказуетъ; біетъ же всякаго сына, его же приемлетъ; аще наказанія терпите, тогда яко сынъ обрѣтается вамъ Богъ; аще ли безъ наказанія пріобщаетесь Ему, то выблѣдки, а не сынове есте». И сими рѣчами тѣшиль себя. Посемъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣль до Филиппова поста въ студеной башнѣ; тамъ зima въ тѣ поры живеть да Богъ грѣль и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли нѣть; мышей много было, я ихъ *скуфьею* биль, — и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежаль, спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣль на Пашкова кричать: «прости»; но воля божія возбранила, велѣно терпѣть. Перевелъ меня въ теплую избу, и я тутъ съ аманатами и съ собаками жиль скованъ зиму

*

всю; а жена съ дѣтьми верстъ съ 20 была со-
слана отъ меня. Баба ее Ксения мучила зиму ту
всю лаяла да укоряла. Сынъ Иванъ не великъ
былъ, прибрель ко мнѣ побывать послѣ Хри-
стова рождества: и Пашковъ вельть кинуть въ
студеную тюрьму, гдѣ я сидѣль: ночевалъ мн-
лой и замерзъ было тутъ, а на утро опять ве-
льть къ матери протолкать; я его и не видаль; —
приволкся къ матери, руки и ноги отзнобилъ.

На весну паки поѣхали впередъ. Запасу не-
большое място осталось, а первой разграбленъ
весь: и книги, и одежда и иная рухлядь отнята
была; а иное осталось. На Байкаловъ морѣ паки
томулъ; по Шилкѣ рѣкѣ заставилъ меня лямку
тинуть: зѣю нужень ходъ ею былъ. И поѣсть
было некоеми нежели спать; лѣто цѣлое мучи-
ся отъ водяныхъ тиготы; люди изгибали, и у
меня ноги и животъ сини были. Два лѣта броди-
ли въ водахъ, а зимами чрезъ волоки волочи-
лись. На той же Шилкѣ въ третій томулъ: бар-
ку отъ берегу оторвало водою; людскія стоять,
а мою ухватило да и понесло; жена и дѣти ос-
тались на берегу, а меня самъ другъ съ коры-

щикомъ помчало. Вода быстрая переворачиваеть барку вверхъ боками и дномъ, а я на ней ползаю, а самъ кричу: «Владычице! помози! Упованіе! не утопи!» Иное ноги въ водѣ, а иное выплызу наверхъ; гнало съ версту и больше, да люди переняли; все размыло до крохи. Да что вѣдь дѣлать, коли Христосъ и Пречистая Богородица изволили такъ? Я, выshedъ изъ воды, смѣюсь, а люди тѣ плачутъ, платье мое по кустамъ развѣшивая, шубы атласныя и тафтяныя и кое какія бездѣлицы: тое много было еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, все съ тѣхъ мѣсть перегнило. А Пашковъ опять меня же хочетъ бить: «Тыде надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ». И я паки свѣту Богородицѣ докучать: «Владычице! уйми дурака того!» Такъ она надежда уняла: стала по мнѣ тужить. Потомъ доѣхали до Иргея озера: волокъ тутъ, стали зимою волочиться; моихъ работниковъ отнялъ, а инымъ у меня наняться не велитъ, а дѣти маленьки были; бѣдаковъ много, а работать некому; одинъ бѣдный горемыка протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму волочился за волокъ. Весною на плотахъ

по Ингодѣ рѣкѣ пошли на низъ, четвертое лѣто отъ Тобольска плаванію моему. Лѣсъ гнали хоромной и городовой, стало нечего ъсть, люди учали съ голоду мереть и отъ работныя водяныя бродни; рѣка мелкая, плоты тяжелыя, приставы немилостивые, палки большиe, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокія,— огнь да встряска, — люди голодные: лишь стануть мучить, ано и умреть. Ахъ времени тому! не знаю, какъ умъ отъ него отступился. У протопопицы моей однорядка московская была не изгнила: по русскому рубли съ полтретьядцать и больше, по тамошнему даль намъ 4 мѣшка ржи за нея и мы годъ другой тянулися, на Нерчинскѣй живучи, съ травою перебиваючися: все люди съ голоду перемориль, никуда не отпушаскаль промышлять, осталось небольшое мѣсто по степямъ скитающеся, и по полямъ траву и кореніе копали, и мы съ ними же. А зимою со сну, а иное кобылятины Богъ дастъ, и кости находили отъ волковъ пораженныхъ звѣрей и, что волкъ не доѣсть, то мы доѣдимъ; а иные и самихъ озяблыхъ ъли волковъ и лисицъ и, что по-

лучать, всякую скверну. Кобыла жеребенка родить, а голодные втай и жеребенка и мѣсто скверное кобылье съѣдять. А Пашковъ свѣдалъ, и кнутомъ до смерти забыть: и кобыла умерла, все изводъ взялъ, понеже не по чину жеребенка того вытащили изъ нея: лишь голову появилъ, а онѣ и выдернули да почали черовь скверную єсть. Охъ времени тому! и у меня два сына маленькихъ умерли въ нуждахъ тѣхъ, и съ прочими скитающеся по горамъ и острому каменію, наги и босы, травою и кореньемъ перебивающиеся, кое какъ мучилися. И самъ я грѣшный во-лею и неволею причастникъ кобыльимъ и мертвѣчимъ сквернымъ и птичимъ мясамъ. Увы грѣшной душѣ! кто дастъ главѣ моей воду и источникъ слезъ, даже оплачу бѣдную душу, свою, юже азъ погубихъ житейскими сластями? Но помогала намъ по Христѣ болярина, воеводская сноха Евдокія Кириловна, да жена его Аѳанасьева Фекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его иногда пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется

четверть пуда и гравенку другую, а иногда и полпудика накопить и передастъ, а иногда у куровъ корму изъ корыта нагребеть. Дочь моя, бѣдная горемыка Аграфена бродила втай къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонять отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и многонько притащить; тогда не велика была, а нынѣ ужъ ей 27 годовъ; дѣвицею, бѣдная моя, на Мезени съ меньшими сестрами перебиваясь кое-какъ, плачуши, живутъ; а мать и братья въ землѣ закопаны сидятъ. Да что жь дѣлать? пускай горше мучатся всѣ ради Христа! быть тому за божіею помощію, на томъ положено и помучиться ради вѣры христовы. Любилъ протопопъ со славными знаться, люби же и терпѣть горемыка до конца; писано: «не начинай блаженъ, но скончавый». Полно того: на первое возвратимся.

Было въ Даурской землѣ нужды великія годовъ 6 и 7, а во иные годы отрадило, а онъ, Аѳанасій, навѣтуя мнѣ, безпрестанно смерти мнѣ искалъ. Въ той же нуждѣ приславъ ко мнѣ отъ себя двѣ вдовы,— сѣнныя его были,— Марья да

Софья, одержимы духомъ нѣчистымъ: ворожа и колдунъ много надъ ними, и видитъ, яко ничто же успѣваетъ; но паче молва бываетъ, зѣло жестоко бѣсъ ихъ мучить: боятся и кричатъ: Привѣталъ меня и поклонился мнѣ, говорить: «пожалуй, возьми ихъ ты и попекися о нихъ, Бога моля; послушаетъ тебя Богъ». И я ему отвѣщалъ: «Господине! выше мѣры прошеніе; но за молитвы святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу». Взялъ ихъ бѣдныхъ, простите. Во искусѣство на Руси бывало; человѣка три чѣтыре бѣшныхъ приведенныхъ бывало въ дому моемъ, а за молитвы святыхъ отецъ отходжаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, свѣта: слезами и водою покроплю и масломъ помажу, молебная пѣвше во имя христово, и сила божія изгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, — не по достоинству моему, никакоже, но по вѣрѣ приходящихъ. Древле благодать дѣйствовала осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикъ рѣчицею, при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ голосомъ; Богъ идѣже хощетъ,

побѣждается естества чинъ. Чти житіе Феодора
Эдесскаго; тамо обрящеша и блудница мертваго
воскресила; въ Кормчей писано: «не всѣхъ
Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми кромъ
еретика дѣйствуетъ».

Также привели ко мнѣ бабъ бѣшеныхъ; я
по обычаю самъ постился и имъ не давалъ
ѣсть, молебствовалъ и масломъ мазаль и,
какъ знаю, дѣйствовалъ: и бабы цѣлоумны и
здравы стали; я ихъ исповѣдалъ и причастилъ;
живутъ у меня и молятся Богу, любятъ меня и
домой нѣйдутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинились
дочери духовныя; осердился на меня опять пу-
ще старого, хотѣль меня въ огнѣ сжечь: «ты-
де вывѣдываешь мои тайны». А какъ при ча-
стить, не исповѣдавъ? а не причастить бѣшено-
го, ано бѣса совершенно не отгонишь: бѣсь-
отъ вѣдь не мужикъ—батога не боится, боит-
ся онъ креста христова, да воды святыя,
да священного масла, а совершенно бѣжитъ отъ
тѣла христова; я кромѣ сихъ тайнъ врачевать
не умѣю; въ нашей православной вѣрѣ безъ
исповѣди не причащаю; въ Римской вѣрѣ тво-

рять такъ, небрегутъ о исповѣди; а намъ, православіе блюдущимъ, не подобаетъ такъ, но на всяко время покаянія искати. Аще священника ради нужды не получишь, и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ простить тя, покаяніе твое видѣвъ; и тогда съ правильцемъ причащайся святыхъ тайнъ, держи при себѣ запасный Агнецъ. Аще въ пути или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, вздохня предъ Владыкою, и повышерененному ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни, такъ хорошо будетъ по постѣ и по правилѣ: на коробочку постели платочекъ и свѣчку зажги, и въ сосудѣ водицы маленько, да на ложечку почерпни и часть тѣла христова съ молитвою въ воду на ложку положи кадиломъ вся покади; поплакавъ, глаголи молитву всю: «Вѣрю, Господи, и исповѣду, яко ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго» (писано въ чинѣ причащенія); потомъ падше на землю предъ образомъ, прощеніе проговори и, возставъ, образы поцѣлуй; и прекрестясь, съ молитвою причастися, и водицею запей и паки Богу

помолись:—«иу, слава Христу!» хотя и умрешь послѣ того, ино хорошо. Полно про то говорить, и сами знаете, что доброе добро.

Стану про бабъ говорить опять. Взялъ Пашковъ бѣдныхъ вдовъ отъ меня, бранитъ меня вмѣсто благодаренія; онъ чаялъ: Христосъ просто положить; ино стали пуще и стараго бѣситься. Заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ; призвалъ къ нимъ чернаго попа, а онѣ его дровами бросаютъ,—и поволокся прочь. Я дома плачу, а дѣлать не вѣдаю что; приступить ко двору не смѣю: больно сердить на меня; тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыть и напоить и имъ бѣднымъ легче стало: прибрели сами ко мнѣ тайно, и я помазалъ ихъ во имя христово масломъ, такъ опять далъ Богъ стали здоровы и опять домой пошли, да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали тайно молиться Богу. Изрядныя дѣтки стали, играть перестали и правильца держаться стали; на Москвѣ съ боярынею въ Вознесенскомъ монастырѣ вселились. Слава о нихъ Богу!

Та же съ Нерчи рѣки паки назадъ возврати-

лись къ Русѣ; пять недѣль по льду голомуѣхали на нартахъ. Миѣ подъ робятъ и подъ рухлядышко даль двѣ клячки, а самъ и протопопица брѣли пѣши, убивающи ся о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди; протопопица бѣдная бредеть, бредеть да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричать, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушка государыня! прости!» а протопопица: «что ты, батько, меня задавилъ?» Я пришелъ. На меня бѣдная пѣняетъ, говоря: «долголи муки сея, протопоигъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна! до самыя смерти». Она, вздохня, отвѣчала «Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ».

Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣнiemъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удалили по грѣхомъ, и нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чу-

до было: во весь годъ по два яичка давала, сто
рублевъ при ней плюново дѣло! жалю! И та ку-
рочка, одушевленное божіе твореніе, насть корми-
ла, и сама съ нами кашку сосновую изъ котла
тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и
рыбку клевала и намъ противъ того два яичка
на день давала. Слава Богу, вся сотворившему
благая! И не просто она намъ и досталася. У
боярьши куры всѣ переслѣпли и мереть стали,
такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ при-
слала; чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился
о курахъ. И я подумаль: кормилица то есть на-
ша, дѣтки у нея, надобны ей куры; молебенъ
пѣль, воду святиль, куровъ кронилъ и кадиль;
потомъ въ лѣсь сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ,
изъ чего єсть, и водою покропилъ, да къ ней все
отослалъ. Курки божіимъ мановеніемъ изцѣлѣли
и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и
наша курочка была, да полно того говорить:
у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма
и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣтель-
ствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна:

и скотинка и птичка во славу его пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Также повоклолись паки на Иргень озеро. Боярыня пожаловала, прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи наѣлись. Кормилица моя была Еудокія Кириловна, а и съ нею діаволь сговорилъ сице: сынъ у нея былъ Сумеонъ, тамъ родился; я молитву давалъ и крестиль, на всякъ день присыпали ко мнѣ по благословеніе и я, крестомъ благословя и водою покропя, поцѣловавъ его, паки его отпушу: дитя наше здорово и хорошо. Не прилучилось меня дома, занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ она и осердясь на меня, послала ребенка къ шептуну мужику. Я, свѣдавъ, осердился же на нее и межъ нами прѣ велика стала быть; младенецъ пуще занемогъ; рука правая и нога засохли, что батожки. Въ зазоръ пришла; не вѣдается, что дѣлать, а Богъ пуще угнетаетъ. Ребеночекъ на кончину пришелъ; пѣстуны, ко мнѣ приходя, плачутъ, а я говорю: «коли баба лиха, живи же себѣ одна.» И ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ діаволь сердце ея; припалъ ко Владыкѣ, чтобы

образумился. Господь же премилостивый Богъ умягчилъ ниву сердца ея; прислала на утро сына средняго ко мнѣ Ивана: со слезами просить прощенія матери своей, ходя и кланяясь около печи моей; а я лежу подъ берестомъ нагъ на печи, а протопища въ печи, а дѣти кое гдѣ; въ дождь прилучилось; одежды не стало, а зимовье капаетъ: всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «вели матери прощенія просить у Ареоы колдуна.» Потомъ и больнаго принесла; велѣла больнаго предъ меня положить; и всѣ плачутъ и кланяются. Я су всталъ, добыль въ грязи патрахъль и масло священное нашелъ; помоля Бога и покадя младенца, помазаль масломъ и крестомъ благословилъ. Ребенокъ, Богъ даль, и опять здоровъ сталъ съ рукою и съ ногою. Водою святою его напоилъ и къ матери послалъ. Виждь, слышателью, покаяніе матери колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцѣлила. Чему быть? не сего дни кающихся есть Богъ! На утро прислала намъ рыбы да пироговъ; а намъ то голоднымъ надобѣ, и съ тѣхъ мѣстъ помирилися.

Выѣхавъ изъ Дауръ, умерла маленькая на

Москвѣ, я и погребаль въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ то и самъ Пашковъ про младенца, она ему сказала. Потомъ я къ нему пришелъ и онъ, поклоняся низенько мнѣ, а самъ говорилъ: «Спаси Богъ! отечески твориши, не помниши нашего зла.» И въ то время пищи довольно прислалъ и опослѣ того вскорѣ хотѣлъ меня пытать, слушай за что. Пускалъ онъ сына своего Еремія въ мунгальское царство воевать, козаковъ съ нимъ 72 человѣка да иноземцевъ 20 человѣкъ; и заставилъ иноземца шаманить, си-рѣчъ гадать: удастся ли имъ и съ побѣдою ли будутъ домой. Волхвъ же той мужикъ, близь моего зимовья, привель барана живаго въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать: вертя его много, и голову прочь отвертѣль и прочь отбросиль. И началъ скакать, и плясать, и бѣсовъ призывать и, много кричавъ, о землю ударился, и пѣна изо рта пошла; бѣсы давили его, а онъ спрашивалъ ихъ: «удастся ли походъ?» И бѣсы сказали: «съ побѣдою великою и съ богатствомъ большими будетъ назадъ.» И воеводы рады; и всѣ люди, радуяся, говорять: «богаты прїдемъ!» Охъ ду-

ши моей! тогда горько и нынѣ не сладко. Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченое во Евангеліи, егда Зеведѣеви-чи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: «Господи! хощеши ли речевъ, да огнь снидеть съ небесе и потребить ихъ, якоже Илія сотвори? обращься же Ісусъ рече имъ: не вѣсте, коего духа есте вы: сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти; и идоша во ину весь.» А я окаянный сдѣлалъ не такъ. Въ хлѣвинѣ своей кричалъ съ воплемъ къ Господу! «Послушай мене, Боже! послушай мене, Царю небесный! Свѣтъ! послушай мене! да не возвратится вспять ни единъ отъ нихъ и гробъ имъ тамъ устроиши всѣмъ! приложи имъ зла, Господи! приложи имъ и погибель имъ наведи, да не сбудется пророчество діавольское!» И много того было говорено, и втайне о томъ же Бога молились. Сказали ему, что я такъ молюсь, и онъ лишь изляялъ меня. Потомъ отпустилъ съ войскомъ сына своего; ночью поѣхали по звѣздамъ. Въ то время жаль мнѣ ихъ: видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть; и самъ таки на нихъ

погибели молю, иные, приходя, прощаются ко мнѣ, а я имъ говорю: «погибнете тамъ.» Какъ воѣхали, лошади подъ ними заржали вдругъ, и коровы тутъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли. Ужасъ на всѣхъ напалъ. Еремѣй вѣсть со слезами ко мнѣ прислалъ: «чтобы батюшка государь помолился за меня;» и мнѣ его стало жаль, а и другъ мой тайный былъ и страдалъ за меня. (Какъ меня кнутомъ отецъ его билъ, и стала разговаривать отцу, такъ онъ со шпагою, ногнался за нимъ. А какъ прїехали послѣ меня на другой порогъ на Падунъ, 40 дощениковъ всѣ прошли въ ворота и его Аѳанасіевъ дощеникъ—счасть добрая была, и казаки всѣ 600 промышляли о немъ, и не могли взвести: взяла силу вода, паче же реши, Богъ наказалъ: стащило въ воду всѣхъ людей, а дощеникъ на камень бросило; вода чрезъ него льется, а въ него неайдеть: чудо, какъ Богъ безумныхъ учитъ! Онъ самъ на берегу, боярыня въ дощеникѣ, и Еремѣй сталъ говорить: «батюшко! за грѣхъ наказуетъ Богъ, напрасно протопопа того кнутомъ тѣмъ избилъ; пора покаяться, государь!»

Онъ же рыкнуль на него, яко звѣрь, и Еремѣй, къ осенѣ отклонясь, прижавъ руки, а самъ Господи помилуй говорить. Пашковъ же, ухватя у малаго калещатую пищаль, никогда не лжетъ, приложася на сына, курокъ спустиль, и божію волею осѣклася пищаль. Онъ же и въ третіе также сотвориль, пищаль и въ третій осѣклася же; онъ ее на землю и бросиль. Малой, поднявъ, на сторону спустиль, такъ и выстрѣлила. А дощеникъ единаче на камени подъ водою лежить. Сѣль Пашковъ на стуль, шагою поднерся, задумався и плакать сталъ, а самъ говорить: «согрѣшилъ окаянный; пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа биль, за то меня наказуетъ Богъ. Чудно, чудно по писанію, яко *косенъ Богъ во гневъ, и скорѣ послушаніе.* Дощеникъ самъ, покаянія ради, сплылъ съ камени и сталъ носомъ противъ воды; потянули, и онъ взбѣжалъ на низкое мѣсто тотчасъ. Тогда Пашковъ, призвалъ сына къ себѣ, промолвилъ ему: «прости Еремѣй: правду ты говоришь!» онъ, прискоча, поклонившися отцу, и рече: «Богъ тебя, государь, проститъ; я предъ Богомъ и предъ тобою виноватъ.»

И, взявъ отца подъ руку, и повель; гораздо Еремій разуменъ и добръ человѣкъ; ужъ у него и своя сѣда борода, а гораздо почитаетъ отца, и боится его. Да по писанію и надобѣ такъ: Богъ любить тѣхъ дѣтей, которые почитаютъ отцевъ. Виждь, слышателю: не страдалъ ли нась ради Еремій, паче же ради креста и правды его? А мнѣ сказывалъ кормицкъ его Аѳанасьевъ дощеника, тутъ былъ, Григорій Тѣльной. На первое возвратимся.) — Отъ меня отошли, поѣхали на войну; жаль стало Еремія мнѣ; сталъ Владыкъ докучать, чтобъ его пощадилъ. Ждали ихъ съ войны, не бывали на срокъ; а въ тѣ поры Пашковъ меня и къ себѣ не пускалъ. Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огнь расклалъ, хотеть меня пытать; яко исходу душевному и молитвы проговорилъ; вѣдаю его стряпанье: послѣ огня того мало у него живуть; и самъ жду по себѣ и, сидя, женѣ плачущей и дѣтямъ говорю: «Воля господня да будетъ! аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ.» А се и бѣгутъ по меня два палача. Чудно дѣло господне и неизрѣченны судьбы Вла-

дични! Еремей раненъ самъ другъ дорожкою мимо избы и двора моего Ѹдетъ и палачей вскикалъ и съ собою воротилъ; онъ, Пашковъ, оставя застѣнокъ, къ сыну своему пришелъ, яко ильной съ кручинами. И Еремей, поклоняся съ отцемъ вся ему подробну возвѣщаетъ: какъ войско у него побили все безъ остатку; и какъ его увель иноземецъ отъ мунгальскихъ людей по нустымъ мѣстамъ, и какъ по каменнымъ горамъ въ лѣсу, не ядше, блудился 7 дней, одну съѣдѣлъ бѣлку; и какъ моимъ образомъ человѣкъ ему во снѣ явился и на путь выбрелъ. Егда онъ отцу разсказываетъ, а я пришелъ въ то время поклониться имъ. Пашковъ же, возвѣдъ очи свои на меня, — слово въ слово медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ, да Господь не выдасть, — вздохня говоритъ: «такъ то ты дѣлаешь? людей тѣхъ погубилъ столько?» А Еремей мнѣ говоритъ: «батюшко! поди, государь, домой молча, для Христа;» я и пошелъ.

10—ть лѣтъ онъ меня мучилъ или я его, не знаю; Богъ разбереть въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамата: велѣно ѻхать на

Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ, умышляль въ умѣ своеемъ: «хотя де и одинъ поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы.» Онъ въ дощеникахъ со оружiemъ и людьми уплылъ, а слышаль я, ъдучи, отъ иноземцевъ: дрожали и боялись; а я мнѣсяцъ спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ съ десятокъ, да я съ женою и дѣтьми, 17 нась человѣкъ, въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, а може Богъ наставить, ничего не бояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и крови проливалъ, и моей головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадиль, да еще Богъ сохранилъ; а послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросиль у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго либо покаятися о грѣсѣхъ своихъ. Да и другаго такова же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ

ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на
пути, плачуши кинулся мнѣ въ корбасъ; ано за
нимъ погоня, дѣть стало негдѣ. Я су, простите,
своровалъ: яко Раавъ блудница во Іерихонѣ Ісу-
са Навина людей, спряталь его, положа на дво-
въ суднѣ и постелю накинулъ и вельмъ прото-
попицѣ и дочери лечь на него; вездѣ искали, а
жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорять
«матушка! опочивайте; итакъ ты государыня го-
ря натерпѣлась». А я, простите, Бога ради, —
лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: «нѣту его у ме-
ня», — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ,
пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Стар-
рецъ да и рабъ христовъ! простите же меня, что
я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико
ли мое согрѣшеніе? При Раавѣ блудницѣ она,
кажется, также сдѣлала; да писаніе ее похва-
ляетъ за то; и вы, Бога ради, поразсудите: буде
грѣхотворно я учинилъ, и вы меня простите; а
буде церковному преданію вѣ противно, а то и
такъ ладно. Вотъ вамъ и мѣсто оставилъ, при-
пишите своею рукою мнѣ, и женѣ моїй, и доче-
ри или прощеніе или епитимію, понеже мы за-

Одно воровали,—отъ смерти человѣка ухоронили, ища его покаянія къ Господу. Судите же такъ, чтобы насть Христосъ не сталъ судить на страшномъ судѣ сего дѣла, припишите же что нибудь. (*Старецъ: «Богъ да проститъ тя и благословитъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ, и подружкю твою Анастасію и дщерь вашу и весь домъ вашъ: добро сотворили есте и праведно, Аминь».*). Добро, старецъ: спаси Богъ на милости; полно того.

Прикащикъ же мучки гривенокъ съ 30 далъ, да коровку, да овечекъ съ 5, 6, мясцо, изсуша и тѣмъ лѣто питалися, пловучи. Добрый прикащикъ человѣкъ, дочь у меня Ксению крестилъ, еще при Пашковѣ родилась, да Пашковъ не далъ мнѣ мура и масла, такъ некрещена долго была; послѣ его крестилъ, я самъ женѣ своей и молитву говорилъ и дѣтей крестилъ съ кумомъ съ прикащикомъ, да дочь моя большая кума, а я у нихъ попъ. Тѣмъ же образомъ и Аѳанасія сына крестилъ и, обѣдни на Мезени служа, причастилъ и дѣтей своихъ исповѣдывалъ и причащалъ самъ же, кромѣ жены своеи; есть о томъ

въ правилахъ: велѣно такъ дѣлать; а что запрещеніе, то отступническое, и то я о Христѣ подъ ноги кладу, и клятвою тою, дурно молвить, гузно тру; меня благословляютъ московскіе святители Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Филиппъ; я по ихъ книгамъ вѣрю Богу моему чистою совѣстю и служу, а отступниковъ отвращаюся и кляну: враги они божіи, не боюсь я ихъ, со Христомъ живучи; хотя на меня каменіе накладутъ, я со отеческимъ преданіемъ и подъ каменіемъ лежу, не только подъ шпынскою, воровскою никоніанскою клятвою. Охъ! и что много говорить? плонуть на дѣйство то и службу то ихъ, да и на книги тѣ ихъ новоизданныя, такъ и ладно будетъ! Станемъ говорить, какъ угодить Христу и пречистой Богородицѣ, а про воровство ихъ полно говорить. Простите, Никоніаны, что избраниль васъ; живите, какъ хотите; стану опять первое горе говорить, какъ вы меня жалуете, подчиваєте.

20 лѣтъ ужъ прошло, еще бы хотя столько же Богъ пособилъ мучиться отъ васъ, ино бы и было съ меня о Господѣ Богѣ и Спасѣ на-

шемъ Иусъ, а за тѣмъ сколько Христосъ дастъ, только и жить. Полно того: и такъ далеко забрѣль; на первое возвратимся.

Поѣхалъ изъ Дауръ, стало пищи скудать и съ братіею Бога помолили, и Христосъ далъ намъ и зубра, большаго звѣря, тѣмъ и до Байкала дошли. У моря русскихъ людей наѣхало, станица соболиная рыбу промышляетъ; рады миленькіе намъ и, съ корбасомъ насть съ моря ухватя; далеко на гору несли. Терентьюшко съ товарищи плачутъ миленькіе, глядя на насть, а мы на нихъ; надавали пищи, сколько намъ надобно, — осетровъ съ 40 свѣжихъ передъ меня привезли, а сами говорятъ: «Вотъ батюшко, на твою часть Богъ въ запоръ намъ далъ; возьми себѣ всю». Я, поклоняясь имъ, рыбу благословя, опять имъ велѣль взять: «на что мнѣ столько?» Погости у нихъ, изъ нужды запасцу взялъ; лодку починя и парусъ скропавъ, черезъ море пошли. Погода окинула на морѣ, и мы гребли перегреблись. Не больно въ томъ мѣстѣ широко, или со 180 верстъ. Егда къ берегу пристали, возстало буря вѣтреная, и на берегу на силу и мѣсто обрѣли отъ

волнъ; около его горы высокія: 20,000 верстъ и больше волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ; на верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменна и дворы, все богоудѣланно. Лукъ на немъ растеть и чеснокъ, больше романовскаго луковицы, и сладокъ зѣло; тамъ же ростутъ и конопли богорасленныя, а во дворахъ травы красныя, и цветы благовонны гораздо, птицъ зѣло много—гусей, лебедей, по морю яко сиѣгъ плаваютъ; рыба въ немъ: осетры и таймени, стерляди и омули, и сиги и прочихъ родовъ много; вода прѣсная, и нерпы и заиды великия въ немъ, въ океанѣ море большомъ. Живучи на Мезени, такихъ не видалъ; а рыбы зѣло густо въ немъ, осетры и таймени жирны гораздо, нельзя жарить на сковородѣ; жиръ все будетъ. И все то у Христа того свѣта надѣлано для человѣкъ, чтобы, упокояся, хвалу Богу воздавалъ; а человѣкъ, сущѣй который уподобится, дніе его яко сѣнь преходять: скачеть, яко козель; раздувается, яко пузырь; гниѣвается, яко рысь; сѣсть хощеть, яко змія; ржеть, зря на чужую кресоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсь; насыщаяся довольно,

безъ правила спить, Бога не молить; отлагаетъ покаяніе на старость и потомъ исчезаетъ; не вѣмъ, камо отходитъ, — или во свѣтъ или во тьму: день судный коегождо явитъ. Простите мя; азъ согрѣшихъ паче всѣхъ человѣкъ.

Также въ русски грады приплыть и уразумѣль церкви, яко ничтоже успѣваетъ; но паче молва бываетъ. Опечалясь, сидя, разсуждаю: что сотворю? проповѣду ли слово божіе, или скрыся? Жена и дѣти связали меня. И видя меня печальна, протопоповица моя приступи ко мнѣ со опрятствомъ и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Азъ же подробну извѣстихъ: «Жена! что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ или молчать? связали вы меня!» Она же мнѣ говорить: Господи помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь? Слыхала я, ты же читаль ѿстолльскую рѣчь: «*присязался ли женъ не ищи разрѣшенія егда отрѣшишися, тогда не ищи и женъ;*» азъ тя и съ дѣтьми благословляю, дерзай проповѣдати слово божіе по прежнему, а о нась не тужи, дондеже Богъ изволить; тогда нась въ молитвахъ своихъ не забывай; силенъ

Христосъ и насть не покинуть. Поди, поди въ церковь, Петровичъ! обличай блудную еретическую! Я су ей за то челомъ и, отрясши отъ себѣ печальную слѣпоту, началь по прежнему слово божіе проповѣдати и учити по градомъ и вездѣ; еще же и ересь никоновскую со дерзновеніемъ обличаљ.

Въ Енисейскѣ зимовалъ и паки, лѣто плывши, въ Тобольскѣ зимовалъ и, до Москвы ѿдучи, по всѣмъ городамъ и по селамъ, въ церквахъ и на торгахъ, кричалъ, проповѣдуя слово божіе, и уча и обличая безбожную лесть. Также прїхалъ къ Москвѣ. Три годы вхали изъ Дауръ, и туда волокся пять лѣтъ противъ воды; на востокъ все везли, промежду иноземскихъ ордъ и жилищъ; много про то говорить.—Бывалъ и въ иноземскихъ рукахъ: на Оби, великой рѣкѣ, предо мною 20 человѣкъ погубили христіанъ; а, надо мною думавъ, да и отпустили совсѣмъ. Паки на Иртышѣ рѣкѣ собраніе ихъ стоять: ждутъ березовскихъ нашихъ съ дощеникомъ и погубить; а я, не вѣдающи, и прїхалъ къ нимъ; и, прїхавъ, къ берегу присталь. Они съ луками и обскочили насть, и я су, вышедъ обниматься съ ними, что

съ чернцами, а самъ говорю: Христосъ со мною и съ вами той же! И они до меня добры стали и жены своя къ моей женѣ привели; жена моя такъ же съ ними лицемѣрится, какъ въ мірѣ лесть совершается; и бабы удобрилися, и мы то уже знаемъ: какъ бабы бывають добры, такъ и все о Христѣ бываетъ добро. Спрятали мужики луки и стрѣлы своя; медвѣдей я у нихъ накупилъ да и отпустили меня. Пріѣхалъ въ Тобольскъ, сказываю: ино люди дивятся тому, по неже всю Сибирь Башкирцы съ Татарами воевали тогда. И я, уповая на Христа, ѿхалъ по средѣ ихъ. Пріѣхавъ въ Верхотурье, Иванъ Богдановичъ Камынинъ, другъ мой, дивится же мнѣ: «какъ ты, протопопъ, проѣхалъ?» И я говорю: «Христосъ меня пронесъ и Пречистая Богородица провела; я не боюсь никого, только Христа боюсь».

Также къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела божія пріяша мя, Государь и бояра всѣ мнѣ, рады. Къ Феодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учаль говорить много: три дни и три но-

щи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ. Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь, жива и душа моя, царь государь! а впредь, что повелитъ Богъ». Онъ же миленькой вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему; и иное кое что было, да что много говорить? прошло уже то. Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворье въ Кремль и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говоритъ: «благослови де меня и помолися о мнѣ»; и шапку въ иную пору мурманку снимающи, съ головы уронилъ, ѻдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ! благослови и молися о нась». Какъ су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о су видѣть каковы были добры, давали мнѣ място, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ нимъ соединился въ вѣрѣ. Азъ же,

вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрѧщу, и смерть поминая, яко вся сія мимоидеть. И се мнѣ въ Тобольскѣ въ тонцѣ сиѣ возвѣщено: «блюдися отъ мене, да не полма разтесанъ будеши». Я вскочилъ и палъ предъ иконою въ ужасѣ велицѣ, а самъ говорю: «Господи! не стану ходить, гдѣ по новому поють, Боже мой!» Былъ я у заутрени въ соборной церкви на царевнины именины, шаловалъ съ ними въ церкви той при воеводахъ да съ прїезду смотрилъ у нихъ просфоромисанія дважды или трижды, въ алтарѣ у жертвеннника стоя, а самъ имъ ругался; а какъ привыкъ ходить, такъ и ругаться не сталъ, что жаломъ духомъ антихристовымъ и ужалило было. Такъ меня Христосъ свѣтъ попужалъ и рече ми: «По толикомъ страданіи ноги бнуть хощещи? блюдися, да не полма разсѣку тя». Я ко обѣдни не пошелъ, а обѣдать ко князю пришелъ и вся подробну имъ возвѣстиль. Бояринъ, миленькой князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ плакать сталъ. И мнѣ, окаянному, много столько божія благодѣянія забыть! Егда въ Даурахъ я былъ на рыбномъ промыслѣ, къ дѣтямъ пойду зимою, по

озеру бѣжалъ па базлухахъ (тамъ снѣгу не живеть, морозы велики живутъ и льды толсты на-мерзаютъ, близко человѣка толщины); — пить мнѣ захотѣлось, и гораздо отъ жажды томимъ, — идти не могу, среди озера стало, воды добыть нельзя: озеро вѣрстъ восемь, — сталъ, на небо взирая, говорить: «Господи, источивый изъ камени воду въ пустынѣ людемъ, жаждущему Израилю, — тогда и днесъ Ты еси! напой мене, имиже вѣси судьбами, Владыко Боже мой!» Охъ горе! не знаю, какъ молвить; простите, Господа ради: кто есмъ азъ, умерый песъ? Затрещалъ ледъ предо мною и разступился чрезъ все озеро сюду и сюду, и паки снidesя гора велика льду стала и, дондеже уриженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ и, на востокъ зря, поклонихся дважды или трижды, призываю имя господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ прорубку маленьку и я, падшѣ, насытился; и плачу и радуюся, благодаря Бога; потомъ и пролубка согнулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобѣ къ дѣтямъ. Да и въ прочіи времена въ волокитѣ мои

акъ часто у меня бывало. Идучи или на руку во-
юку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу древа
ѣку, или ино что творю, и самъ правило въ тѣ
оры говорю, вечерню и заутреню или часы,—
то прилучится; — а буде въ людехъ бываетъ
изворотно и станемъ на стану, а не по мнѣ то-
варищи, правила моего не любять, и, идучи, мѣ
льзя было исполнить: и я, отступя людей, подъ
ору или въ лѣсъ; коротенько сдѣлаю: побьюся
оловою о землю, а иное и заплачется да такъ
обѣдаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сош-
ѣ складеньки поставлю, правильца проговорю,
щие со мною молятся, а иные кашку варятъ; и
ль саняхъ єдучи, въ воскресные дни, на по-
творьяхъ всю церковную службу ною; и въ рж-
евые дни, въ саняхъ єдучи, пою; а бывало и
ль воскресные дни, єдучи, пою. Егда гораздо
изворотно, и я хотя немножко а таки говор-
ю; якоже тѣло алчуше желаетъ ясти и жажду-
ще желаетъ пить: тако и душа, отче мой Епи-
шіе, брашна духовнаго желаетъ: не гладъ хлѣ-
ба, ни жажда воды погубляетъ человѣка, но

гладъ велий человѣку, еже, Богу не молися
жити.

Бывало, отче, въ Даурской землѣ,—аще не со-
скучите послушать съ рабомъ тѣмъ христовыми,
азъ грѣшный и то возвѣщу вамъ,—отъ немощи и
отъ глада великаго изнемогъ въ правилѣ своемъ;
всего мало стало, токмо повечерные исалмы,
да полунощницу да часъ первый, а больше того
ничего стало; такъ, что скотинка, волочусь;
правилъ томъ тужу, а принять его не могу, а
се уже и ослабѣлъ. И иѣкогда ходилъ въ лѣсъ по
дрова и безъ меня жена моя и дѣти, сидя на зе-
млѣ у огня, дочь съ матерію обѣ плачутъ; Агра-
фена, бѣдная моя горемыка, была еще не велика
тогда. Я пришелъ изъ лѣсу; зѣло ребенокъ ры-
даетъ; связавшися языку его, ничего не премол-
вить, мычить къ матери, сидя; мать, на нее гля-
дя, плачетъ; и я отдохнулъ и, съ молитвою при-
ступивъ къ робяти, рекъ: «О имени Господни по-
велѣваю ти,—говори со мною, о чёмъ плачешь!»
Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила:
«Не знаю кто, батюшко государь, во мнѣ сидя,
свѣтленекъ, за языкъ-отъ держалъ меня и съ

матушкою не далъ говорить; я того для плакала, а мнѣ онъ говоритъ: «скажи отцу, чтобы онъ правило по прежнему правиль, такъ на Русь всѣ опять выѣдете; а буде правила не станеть пра- вить, о немъ же онъ и самъ промышляетъ, то здѣсь всѣ умрете и онъ съ вами же умреть». Да иное кое что въ тѣ поры ей сказано было, какъ указъ по насть будетъ, и сколько друзей первыхъ на Руси наѣдемъ: все такъ и сбылося. Мнѣ Пашкову... говорить, чтобъ и онъ вечерни и заутрени пѣль, такъ Богъ ведро дасть и хлѣбъ родится, а то были дожди беспрестанно, я- менцу было съяно небольшое мѣсто за день или за два до Петрова дня, тотъ часъ выросъ, да и сгниль было отъ дождевъ. Я ему про вечерни и заутрени сказалъ, онъ и сталъ такъ дѣлать; Богъ ведро далъ и хлѣбъ тотъ часъ поснѣль. Чудо таки! Съянъ поздно, а поспѣль рано! Да и паки бѣдный коварничать сталъ о божіемъ дѣлѣ: на другой годъ посвяль было много, да дождь необыченъ изліяся и вода изъ рѣки вы- ступила и потопила ниву да и все размыла, и жилища наша размыла; а до того николи вода

тутъ не бывала, а иноземцы дивятся. Виждь: какъ поруга дѣло божіе и пошелъ страною, такъ и Богъ къ нему страннымъ гнѣвомъ сталъ смеяться первому тому извѣщенію. — Напослѣдокъ ребенокъ-де єсть захотѣлъ и такъ-плакалъ, и я су съ тѣхъ мѣстъ за правило схватился да и по ся мѣстъ тянусь по маленьку. Полно о томъ бесѣдоватъ, на первое возвратимся. Намъ надо бы вся сія помнить и не забывать, всякое дѣло божіе не класть въ небреженіе и просто, и не мѣнять на прелестъ сего суетнаго вѣка.

Паки реку московское дѣло. Видять они, что я не соединяюся съ ними; приказалъ Государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: Царь то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ либо по маленьку и справиться, а се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на печатномъ дворѣ, книги править и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества. Пожаловалъ, ко мнѣ прислалъ 10 рублей денегъ, царица 10 рублей денегъ, Лука, духовникъ, 10 рублей же, Родіонъ Стрѣшневъ 10 рублей же, а дружище наше старое

Федоръ Ртищевъ тогъ и 60 рублевъ казначею
своему велъль въ шапку мнѣ сунуть, а про
иныхъ нечего и сказать! Всякъ тащить да
несетъ всячиною. У свѣта моей, Федосыи Про-
кофьевны Морозовы не выходя жиль во дворѣ,
ионеже дочь мнѣ духовная; и сестра ея, княгиня
Еудокія Прокофьевна, дочь же моя. Свѣты мои,
мученицы христовы! И у Анны Петровны Мило-
славскія покойницы всегда же въ дому былъ; и
къ Федору Ртищеву браниться съ отступниками
ходилъ, да такъ то съ полгода жиль. Да вижу,
яко церковное ничтоже успѣваеть, но паче молва
бываетъ,— паки заворчаль, написалъ царю мно-
гононько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взы-
скаль и мати нашу общую, святую церковь, отъ
ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій
пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и
отступника, Никона, злодѣя и еретика. И егда пись-
мо изготовилъ, занемоглось мнѣ гораздо; и я вы-
слалъ царю на переѣздъ съ сыномъ своимъ ду-
ховнымъ, съ Феодоромъ Юродивымъ,— что по-
слѣ отступники удавили его Феодора на Мезе-
ни, повѣся его на висѣлицу.— Онъ же съ пись-

момъ приступилъ къ царевѣ каретѣ со дерзновеніемъ, и царь велѣлъ его посадить и съ письмомъ подъ красное крыльцо: не вѣдалъ, что моя. А опослѣ, взявши у него письмо, велѣлъ его отпустить; и онъ покойникъ, побывавъ у меня, паки, въ церковь предъ царя пришедъ, учалъ юродствомъ лгаловать. Царь же, осердясь, велѣлъ из Чудовъ монастырь отслать. Тамъ Павелъ архимандритъ и желѣза на него положилъ, и божией волею желѣза распалися на ногахъ предъ людьми; онъ же, покойникъ свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ и голыми гузномъ сѣлъ на подъ и, крошки въ печи собираючи, ястъ: такъ чернцы ужаснулися и архимандриту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь пришедъ въ монастырь, честно велѣлъ его отпустить. Онъ же паки ко мнѣ пришедъ и съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ; не любо стало, какъ оиять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. И власти яко козлы вырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже ради Хри-

та многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше ис-
тину, не стали къ прелестной службѣ ихъ хо-
дить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти-
те на тебя жалуются, церкви-де ты запусто-
шилъ: поѣдь-де въ ссылку опять»—сказывалъ
бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и
увезли на Мезень; надавали было кое что во имя
гристово люди добрые много, да и все осталось
туть; токмо съ женю и съ дѣтьми и съ домо-
ладцы повезли. По городамъ паки людей божі-
ихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обли-
яль. И привезли на Мезень. Полтора года дер-
жалъ, паки одного къ Москвѣ взяли да два сы-
на со мною Иванъ да Прокопій сѣхали же, а
протопопица и прочія на Мезени остались всѣ.
А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началь-
ствъ Пафнутьевъ монастырь; и туда присылка бы-
ла, тоже да тоже говорятъ: «долго ли тебѣ му-
чить нась? соединись съ нами, Аввакумушко!»
Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ
глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою на-
писалъ и послалъ съ діакономъ ярославскимъ съ
Косымою и съ подьячимъ двора патріарша. Коз-

иа той,—не знаю, коего духа человѣкъ,—въ яві
уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице
говоря: «Протопопъ! не отступай ты старого то-
го благочестія; великъ ты будешь у Христа че-
ловѣкъ, какъ до конца претерпишь; не гляди на
насъ, что погибаемъ мы». И я ему говорилъ со-
противъ, чтобы онъ паки приступилъ ко Христу,
и онъ говорилъ: «нельзя! Никонъ опуталъ ме-
ня»;— просто молвить, отрекся предъ Никономъ
Христа, также уже бѣдной не можетъ встать. Я
заплакалъ, благословилъ его горюна, больше то-
го мнѣ нѣчего съ нимъ дѣлать; вѣдаетъ то Богъ,
что будетъ ему.

Также, проживъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на
печи, взяли меня паки на Москву и въ крестовой
стяжашася власти со мною: ввели меня въ со-
борный храмъ и стригли по переносѣ меня и ді-
акона Феодора, потомъ опроклинали, а я ихъ про-
клиналъ сопротивъ: зѣло было ми тяжко въ обѣ-
дию ту. И, подержавъ на патріарховѣ дворѣ,
повезли насъ ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ
монастырь, и бороду враги божіи отрѣзали у
меня; чему быть? волки то есть, не жалѣютъ о-

весь: оборвали, что собаки, одинъ хохоль оставили, что у Поляка на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобы люди не вѣдали: сами видять, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволъ: что на нихъ и пенять? Не имъ было, а быть же было инымъ; писанное время пришло, по Евангелію: *Нужда соблазномъ прійти, а другой глаголеть Евангелисть: Невозможно соблазномъ не прійти; но горе тому, имъ же приходитъ соблазнъ.* Вижь, слышателю: необходимая наша бѣда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущаетъ Богъ, даже избранныи будутъ, даже разжегутся, даже убѣлятся, даже искусніи явленіи будутъ въ вѣсль. Выпросилъ у Бога свѣтлую Россію сатана, да очервленить ю кровію мученическою. Добро ты, діаволъ, выдумалъ, и намъ то любо, Христа ради, нашего свѣта, пострадать.

Держали меня у Николы въ студеной палатѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ божіе присыщеше бысть; ити въ царевъ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь, около темницы моей входилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ мона-

тыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля божія такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею съ покойницею: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня, о томъ много говорить; Богъ ихъ простить! Я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молитися мнѣ подобаетъ о нихъ о живыхъ и о преставльшихся; діаволь между нами разсъченіе положилъ, а они всегда добры до меня. Полно того.

И Воротынской бѣдной князь Иванъ тутъ же безъ царя молиться пріѣзжалъ и ко мнѣ просился* въ темницу; ино не пустили горюна; я лишь, въ окно глядя, поплакалъ на него; миленькой мой боится Бога, сиротинка христова: не покинетъ его Христосъ. Всегда таки онъ христовъ да нашъ человѣкъ и всѣ бояра те до насъ добры, одинъ діаволъ лихъ, что вѣдь сдѣлаешь, коли Христосъ попустилъ? Князя Ивана миленькаго Хованскаго и батожьемъ били, какъ Исаю сожгли, а боярыню ту Федосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына у нея уморили

и ея мучать, и сестру ея Евдокию, бывше батогами, и отъ дѣтей отлучили и съ мужемъ развели, и его князя Петра Урусова на другой-де кенили; да что вѣдь дѣлать? Пускай ихъ ми-ленькихъ мучать; небеснаго жениха достигнуть; яко то Богъ препроводить вѣкъ сей суетный и присвоить къ себѣ женихъ въ небесный чергогъ свой, праведное солнце, свѣтъ, упованіе наше! Паки на первое возвратимся.

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна, держали годъ безъ мала. Тутъ келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ, а я бѣдной больше тогоже табаку испилъ, что у Газскаго митрополита вынули напослѣдокъ 60 пудовъ, да домру да иныя тайныя монастырскія вещи, что пограбивше творятъ; согрѣшилъ, прощите, не мое то дѣло, то вѣдаеть онъ, своему владыкѣ стоитъ или падаетъ. Къ слову молвилось то. У нихъ были любимые законоучители. У сего келаря Никодима попросился я на великий день для праздника отдохнуть, чтобы велѣль, дверей отворя, на порогѣ посидѣть; и онъ меня

наругаль и отказалъ жестоко, какъ ему захотѣлось. И потомъ въ келію пришедъ, разболѣлся, масломъ соборовали и причащали и тогда сегда вздохнеть. То было въ понедѣльникъ свѣтлой и противъ въ нощи вторника пріиде къ нему мужъ во образѣ моемъ, съ кадиломъ въ ризахъ свѣтлыхъ и, покадивъ его и за руку взявъ, воздвигнуль и бысть здравъ. И притече ко мнѣ съ келейникомъ ночью въ темницу. Идучи, говоритъ: «Блаженна обитель: таковыя имѣть темницы! блаженна темница: таковыхъ имѣть страдальцевъ! блаженны и узы!» И палъ предо мною, ухватился за чепъ и говоритъ: «прости, Господа ради; прости, согрѣшилъ, предъ Богомъ и предъ тобою: оскорбиль тебя и за сіе наказа мя Богъ.» И я говорю: «Какъ наказалъ? повѣждь ми.» И онъ паки: «И ты де самъ, приходя и покадя меня, пожаловалъ и поднялъ, что де запираешься.» А келейникъ, тутъ же стоя, говоритъ: «Я, батюшко государь, тебя подъ руку вывелъ изъ кельи да и поклонился тебѣ; ты и пошелъ сюда.» А я ему заказалъ, чтобъ людямъ не сказывалъ о тайнѣ сей. Онъ же со мною спрашивался, какъ

ему жить впредь по Христѣ: или де мнѣ велишь въ пустыню идти? Азъ же его, понаказавъ и не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы хотя втай держалъ старое преданіе отеческое. Онъ же, поклоняся, отъиде къ себѣ и на утро за трапезою всей братіи сказалъ. Людіе же безпрестанно и дерзновенно ко мнѣ побрели, просяще благословенія и молитвы отъ меня; а я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ божіимъ въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирілися тутъ. Увы! коли оставлю суетный сей вѣкъ? Писано: «Горе ему же рекутъ добро вси чоловѣцы;» воистину не знаю, какъ до kraю доживать: добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ; то вѣдаетъ Онъ, воля Его.

Туть же прїезжалъ ко мнѣ втай съ дѣтьми своими Феодоръ, покойникъ удавленой мой, и спрашивался со мною: «какъ де прикажешь мнѣ ходить, въ рубашкѣ ли по старому или въ платье облещися? Еретики де ищутъ, погубить меня хотятъ. Быль-де я на Рязани подъ началомъ у архіепископа на дворѣ и зѣло де онъ Иларіонъ, мучилъ меня: рѣдкой день коль плетьми не бьеть,

и скована въ желѣзахъ держаль, принуждая къ новому антихристову таинству; и де уже изнемогъ, въ нощи моляся, плачу, говорю: «Господи! аще не избавиши мя, осквернить меня и погибну; что тогда миъ сотворить!» и много плаучи говорилъ; а и де вдругъ, батюшко, желѣза всѣ грянули съ меня, и дверь и отперлась и отворилась сама. Я де, Богу поклоняясь, да и пошелъ; къ воротамъ пришелъ, и ворота отворены; я де по большой дорогѣ къ Москвѣ напрямикъ; егда де разсвѣтало, ино логоня на лошадяхъ, трое человѣкъ мимо меня пробѣжали, не увидѣли меня, я де надѣюсь на Христа, бреду таки впередъ; по малѣ-де ониѣ єдутъ на встрѣчу ко мнѣ, лаютъ меня: «ушель-де блядинъ сынъ, гдѣ его возьмешь?» Да и опять-де проѣхали, не видали меня. И я де нынѣ къ тебѣ спроситься прибрелъ, туда ль мнѣ опять мучиться пойти или, платье вздѣвъ, жить на Москвѣ? И я ему, грѣшной, вѣльмъ вздѣть платье и однако не ухоронилъ отъ еретическихъ рукъ,—удавили на Мезени, повѣся на висѣлицу. Вѣчная ему память и съ Лукой Лаврентьевичемъ! Дѣтушки миленькие мои! по-

страдали за Христа: слава Богу о нихъ! Зъло у
Феодора того крѣпокъ подвигъ быль; въ день
юродствуешь, а нощь всю на молитвѣ со сле-
зами; много добрыхъ людей знаю, а не видаль
подвижника. Пожилъ у меня съ полгода на
Москвѣ, а мнѣ еще не моглося, — въ задней
комнатѣ двое насть съ нимъ: и много чашъ дру-
гой полежить да и встанеть, тысячу поклоновъ
отбрасаетъ да сядетъ на полу; а иное стоя, часа
съ три плачетъ, а я таки лежу, иное сплю, а
иное неможется; егда ужъ наплачется гораздо,
тогда ко мнѣ приотступить: «долго ли тебѣ, прото-
попъ, лежать того? образумься, вѣдь ты попъ:
какъ сорома вѣтъ?» И мнѣ не можется, такъ ме-
ня подымаетъ, говоря: «встань, миленькой ба-
тюшко!» Ну таки вытащить какъ нибудь меня;
сидя, мнѣ молитвы велитъ говорить, а онъ за
меня поклоны кладетъ: то-то другъ мой сер-
дечной быль! Скорбенъ миленькой быль съ пе-
ретуги великія: черевъ изъ него вышло въ одну
пору три аршина, а въ другую пору пять ар-
шинъ, а кишкѣ перемѣрялъ: и смыхъ съ нимъ и
горѣ! На Устюгѣ 5 лѣтъ безпрестанно мерзъ

на морозѣ боецъ, въ одной рубашкѣ, — я самъ сему самовидецъ. Тутъ мнѣ училъся сынъ духовной: какъ я изъ Сибири ѿхалъ, у церкви въ палатку прибѣгалъ, молитвы ради; сказывалъ: «какъ де отъ мороза въ теплѣ томъ станешь, батюшко, отходить, зѣло-де въ тѣ поры тяжко бываетъ; по кирпичю тому ногами тѣми стукаетъ, что кагадьемъ; а на утро опять не болятъ.» Псалтырь у него тогда была новыхъ печатей въ кельѣ, маленько еще зналь о новизнахъ. И я ему подробно рассказалъ про новые книги; онъ же, схвативъ книгу, тотъ часъ въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну: зѣло у него во Христа вѣра горяча была. Да что много говорить? какъ началъ, такъ и кончилъ; не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянный, того ради и скончался боголѣпнѣ.

Хорошъ былъ и Аѳанасьевъ, сынъ же мнѣ духовный, во иноцѣхъ Авраамій, что отступники на Москву въ огнѣ испекли, и яко хлѣбъ сладокъ принесеся святѣй Троицѣ. До иночества бродилъ босикомъ же въ одной рубашкѣ и зиму и лѣто, только сей Феодоръ посмирнѣ и въ

подвигъ малевъко покороче. Плакать зѣло же
быть охотникъ: и ходить и плачетъ, и съ кѣмъ
молвитъ, у него слово тихо и сладко, яко пла-
четь. Феодоръ же ревнивъ гораздо быль и зѣло
о дѣлѣ божіи болѣзнеръ: всяко тщится разорити
и обличити неправду; да пускай ихъ! Какъ жили,
такъ скончалися о Христѣ Іусѣ Господѣ на-
шемъ. Еще вамъ побесѣдую о своей волокитѣ.
Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева
къ Москвѣ и поставили на подворьѣ, и волоча
многажды въ Чудовъ поставили предъ вселенскихъ
патріарховъ и наши всѣ тутъ же, что лисы, си-
дѣли; отъ писанія съ патріархомъ говорилъ мно-
го, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посра-
милъ ихъ Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ
рекли: «что де ты уирамъ; вся де наша Пале-
стина, и Серби, и Албаны, и Волохи, и Римля-
не, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся;
одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и кре-
стишься двѣма персты; такъ не подобаетъ.» И
я имъ о Христѣ отвѣщаль сице: «Вселенстіи
учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невос-
клонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца

враги быша христіаномъ; и у васъ православіе
пестро; отъ насилия Турскаго Магмета, немощни
сете стали; и впередъ ирѣзжайте къ намъ учить-
ся; у насъ божію благодатию самодержество,
дс Никона отступника въ нашей Россіи у бла-
гочестивыхъ князей и царей все было пра-
вославіе чисто и непорочно и церковь немя-
тежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали
тремя персты креститься, а первые наши па-
стыри, яко же сами двумя персты крестились и
благословляли по преданію святыхъ отецъ на-
шихъ Мелетія Антіохійскаго, Феодорита, бла-
женнаго епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина
и Максима Грека; еще же и московскій помѣст-
ный бывый соборъ при царѣ Иванѣ, такъ же
слагая персты, креститися и благословляти по-
велѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы Мелетій
и прочіи научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша
знаменосцы Гуріе и Варсанофіе, казанскіе чудо-
творцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ
святыхъ русскихъ. — И патріархи задумалися
и наши, что волченки, завыши, облевать стали
на отцевъ своихъ, говоря: «глупы де были и

не смыслили наши русокіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли!» О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горыко, а дѣлать нечего стало: побравилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: «Чистъ есмь азъ и прахъ, прилѣпшій отъ ногъ своихъ, отрясаю предъ вами, по писанному: *лучше единъ, творяй волю божію, нежели тьмы беззаконныхъ.*» Такъ на меня и пуще закричали: «возьми, возьми его: всѣхъ насть обезчестиль;» да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человѣкъ съ 40 ихъ, чаю, было, — велико антихристово войско собралось. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ, и я закричалъ: «Постойте, не бейте!» Такъ они всѣ отскочили и я толмачу архимандриту говорить сталъ: «Говори патріархомъ: Апостоль Павель пишетъ: *таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч.*, а вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете?» Такъ они сѣли; я отшелъ ко дверямъ да на бокъ повалился: «посидите вы, а я полежу»: говорю имъ. Такъ они

смѣются: «дуракъ де протопопъ и патріарховъ не почитаетъ;» а я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны.» Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуїа стали говорить со мною, и мнѣ Христосъ подаль, посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Еуфимей, чудовской келарь, молвилъ: «Правъ де ты, нечего де намъ больше того говорить съ тобою;» да и повели меня на чепь; потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повели меня на Воробьевы горы.

Тутъ же священникъ Лазарь и инокъ Епифаній старецъ: острожены и обруганы что мужички деревенскіе, миленькіе! умному человѣку поглядѣть, да лишь заплакать, на нихъ глядя; да пускай они терпятъ! что о нихъ тужить! Христосъ и лучше ихъ былъ да тоже ему, свѣту нашему, было отъ прадѣдковъ ихъ, отъ Анны и Каїфы; а нынѣшнихъ и дивить нечего: съ образца дѣлаютъ; потужить надобно о нихъ бѣд-

ныхъ! Увы бѣдные Никоніане! погибнете отъ своего злого и ненокориваго нрава!

Потомъ съ Воробьевыхъ горъ перевели насть на Андреевское подворье, также въ Савину слободку; что за разбойниками стрѣльцовъ войско за наими ходить и сратъ провожаютъ; и смѣхъ и торе, какъ то омрачилъ діаволь!

Также къ Николѣ на Угрѣшу; тутъ государь присыпалъ ко мнѣ голову Юрья Лutoхина, благословенія ради, и кое о чемъ много говорили. Также опять ввезли насть въ Москву, на Никольское подворье и взяли у насть о правовѣріи еще сказки; потомъ ко мнѣ комнатные люди много гажды присыланы были, Артемонъ и Дементій, — и говорили мнѣ царевымъ глаголомъ: «Протопопъ! вѣдаю де я твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе; прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады: помолися о насть:» — кланяючися посланникъ говоритъ, и по немъ всегда плачу; жаль мнѣ сильно его. И паки онъ же: «пожалуй де, послушай меня; соединись со вселенскими тѣми, хотя не большимъ чѣмъ.» И я говорю: «аще и умрети ми

Богъ изволить, со отступниками не соединюся. Ты, — реку, — мой царь, а имъ до тебя какое дѣло? своего, — реку, — царя потеряли, и тебя проглотить сюды приволоклися. Я, — реку, — не сведу съ высоты небесныя рукъ, дондеже Богъ тебя отдастъ мнѣ. И много тѣхъ присылокъ было кое о чёмъ говорено; послѣднєе слово рекъ: «гдѣ де ты не будешь, не забывай насть въ молитвахъ своихъ.» Я и нынѣ грѣшный, елико могу, Бога молю о немъ. Также, братію казня, а меня не казня, сослали въ Пустозерье. И я изъ Пустозерья послалъ къ Царю два посланія, первое невелико, а другое больше; кое о чёмъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и богознаменія нѣкая, показанная мнѣ въ темницахъ; тамо чтый да разумѣеть. Еще отъ меня и отъ братіи діаконово списаніе послано въ Москву, правовѣрнымъ гостинца: книга *отвѣтъ православнымъ* и обличеніе на отступническую блудню; писана въ ней правда о догматѣхъ церковныхъ. Еще же и отъ Лазаря священника посланы два посланія царю и патріарху, и за вся сія присланы къ намъ гостинцы.

Повѣсили на Мезени въ дому моемъ двухъ человѣкъ, дѣтей моихъ духовныхъ, прежде реченнаго Феодора Юродиваго да Луку Аврентьевича, рабовъ христовыхъ. Лука то московскій жилицъ, у матери вдовы сынъ былъ единочаденъ, усмарь чиномъ, юноша лѣтъ въ полтретьядцать: прїѣхалъ на Мезень по смерть съ дѣтьми моими. И егда бысть въ дому моемъ всегубительство, вопросилъ его пилатъ: «Какъ ты мужикъ крестишься?» Онъ же отвѣща смиренномудро: «Я такъ вѣрю и крещуся, слагая персты, какъ отецъ мой духовный, протопопъ Аввакумъ!» Пилатъ же повелъ его въ темницу затворити, потомъ положи петлю на шею, на релѣхъ повѣсиль. Онъ же отъ земныхъ на небесная вниде; больше того что ему могутъ сдѣлать? Аще и младъ да по старому сдѣлалъ, пошелъ самъ ко Владыцѣ. Хотя бы и старой такъ догадался!

Въ тѣ же поры и сыновъ моихъ родныхъ двоихъ, Ивана и Проконя, велѣно же повѣсить; да они бѣдные омлозали и не догадались вѣнцевъ побѣдныхъ ухватити; испугався смерти,

повинились, такъ и съ материю троихъ въ землю живыхъ закопали. Вотъ вань и безъ смерти смерть! Кайтесь, сидя, дондеже діаволь иное что умыслить! Страшна смерть, недивно! Нѣкогда и другъ ближній Петръ отрекся и, исцѣдъ вонь, плакася горько, и слезъ ради прощенъ бысть; а на робятъ и давать нечего; моего ради согрѣшенія понущено имъ изнеможеніе. Да уже добро! бытъ тому такъ! Силень Христосъ всѣхъ насть спасти и помиловать!

По семъ той же полуголова Иванъ Елагинъ бытъ и у насть въ Пустозерьѣ, прѣѣхавъ съ Мезени, и взялъ у насть сказку; сице рѣчено: *зодъ и мъсѧцъ* и паки: «мы святыхъ отецъ предавіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха съ товарищи еретическое соборище проклинаемъ», и иное тамъ говорено многонъко и Никону, заводчику ересемъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насть къ плахѣ, и, прощеть, назадъ меня отвели, не казня въ темницу. Чли въ законѣ: «Аввакума посадить въ землю въ срубъ и давать ему воды и хлѣба». И я супротивъ того плонулъ и умереть хотѣлъ, не

ядше, и не яль дней съ осмь и больше, да братія паки ясть велѣли.

По семъ Лазаря священника взяли и языкъ весь вырѣзали изъ горла; мало пошло крови да и перестала. Онъ же и паки говоритъ безъ языка; также, положа правую руку на плаху, по запястье отсѣкли и рука отсѣченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданію и долго лежала такъ предъ народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе спасителево неизмѣнно. Мнѣ су и самому сіе чудно! бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у него во ртѣ рукою мою щупалъ и гладиль; гладко все безъ языка, а не болить. Даль Богъ по временнѣ часъ исцѣлѣло; на Москвѣ у него рѣзали, тогда осталось языка, а нынѣ весь безъ остатку рѣзанъ. А говорилъ два года чисто, яко и съ языкомъ; егда исполнилися два года, иное чудо: въ три дня у него языкъ выросъ совершенной, лишь маленько тупенекъ, паки и говоритъ безпрестанно, хваля Бога и отступниковъ порицая.

По семъ взяли священника пустынника, ино-
ка схимника, Епифанія старца и языкъ вырѣзали

весь же; у руки отсекли четыре перста. И сперва говорилъ гугниво, по семъ молилъ пречистую Богоматерь и показаны ему оба языка московскій и здѣшній на воздухѣ: онъ же, одинъ взявъ, положилъ въ ротъ свой и съ тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершилъ обрѣтеся во ртѣ. Дивна дѣла господня и неизрѣчены судьбы Владыки! И казнить попускаетъ и паки цѣлитъ и милуетъ! Да что много говорить? Богъ старый чудотворецъ, отъ не-бытія въ бытіе приводить, восе вѣть въ день послѣдній всю плоть человѣчу въ мгновеніе ока воскресить; да кто о томъ разсудити можетъ? Богъ бо то есть: новое творить и старое поновлять. Слава ему о всемъ!

По семъ взяли діакона Феодора: языкъ вырѣзали весь же, оставили кусочикъ небольшой во ртѣ, въ горлѣ накось рѣзанъ; тогда на той мѣрѣ и зажиль, а послѣ и опять со старой выросъ, изъ-за губы выходитъ, притупъ маленько. У него же отсекли руку поперекъ ладони и все, далъ Богъ, стало здорово, и говорить ясно и чисто противъ прежняго. Тоже осипали насть

землею, струбъ въ земль и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая огра-да за четырьмя замками; страже же предъ дверьми стрежаху темницы. Мы же здѣсь и вездѣ, сидящіи въ темницахъ, поемъ предъ Владыкою Христомъ, Сыномъ Божіимъ, пѣснями, ихъ же Соломонъ воспѣ, зря на матерь Вирса-вию: «Се еси добра прекрасная моя; се еси доб-ра любимая моя; очи твоя юрятъ, яко пла-мень огня; зубы твои бѣлы, паче млека; зракъ лица твоего паче солнечныхъ лучъ и вся вѣ красотъ сіяешь, яко день вѣ сильъ своей.»

Также поѣхалъ пилать отъ насть; на Мезени достроя, возвратился въ Москву. И прочихъ на-шихъ въ Москвѣ жарили да пекли: Исаію сож-гли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ поборни-ковъ церковныхъ многое множество погублено, ихъ же число Богъ изочтеть. Чудо! какъ то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ? не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ да висѣлицею

въ вѣру приводить. Но Господемъ рѣченное ко Апостоламъ сице: *Шедше въ мірѣ весь проповѣдите Евангеліе всей твари; иже вѣру иметъ и креститъся, спасенъ будетъ.* Смотри, слышателю: волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на ви-
сьлицѣ вѣшать. Татарскій Богъ Магметъ напи-
салъ въ своихъ книгахъ сице: «Непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ гла-
вы ихъ мечемъ подклонити». Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ,
а тѣ учители явны яко и сами антихристовы, ко-
торые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти пре-
даютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же.
Писано во Евангеліи: *не можетъ древо добро плодъ золъ творити, иже древо зло плодъ добре творити; отъ плода бо всяко древо познано бы-
ваетъ.* Да что много говорить? аще бы не были борцы, не бы даны были вѣнцы; кому охота вѣн-
чаться, не почто ходить въ Персиду, а то дома Вавилонъ. Нутко, правовѣрне! нарцы имя хрис-
тово, стань среди Москвы, прекрестися знаме-
ніемъ Спасителя нашего Христа двѣма персты,

якоже пріяхомъ отъ святыхъ отецъ! Вотъ тебъ царство небесное дома родилось: Богъ благословитъ, мучися за сложеніе перстъ, не разсудай много, а я съ тобою за еже о Христѣ умрети готовъ. Аще я и несмысленъ, гораздо неученый человѣкъ, да то знаю, что вся церкви отъ святыхъ отецъ преданная свята и непорочна суть; держу до смерти, якоже пріяхъ; не предлагаю предъль вѣчныхъ: до нась положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ; но блюди еретикъ: не токмо надъ жертвою христовою и надъ крестомъ, но и пелены не вѣшали. А то удумали со діаволомъ книги перепечатать, вся перемѣнить, крестъ на церкви и на просфорахъ перемѣнить; внутрь алтаря, молитвы іерейскія откинули; ектевіи перемѣнили, въ крещеніи духу лукавому молиться велять. Я бы имъ и съ нимъ въ глаза наплевалъ! И около купели противъ солнца лукавый то ихъ водить, также и церкви святять противъ солнца же и бракъ вѣничавъ, противъ солнца же водятъ: явно противно творятъ. А въ крещеніи не отрицаются сатаны; чему быть? дѣти его, коли отца своего отрицати-

ся не хотять. Да что много говорить? охъ правовѣрной души! вся горняя долу быша! Какъ «оворилъ Никонъ, адовъ пёсъ, такъ и сдѣлалъ: гпечатай, Арсенъ, книги какъ-нибудь, лишь бы не по старому». Такъ су и сдѣлалъ! Да больше того нечѣмъ перемѣнить, умереть за сіе всяко-му подобаетъ. Будьте они прокляты окаянные, со всѣмъ лукавымъ замысломъ своимъ и страж-дущимъ отъ нихъ вѣчная память трижды! По семъ у всякаго правовѣрнаго прощенія прошу: иное было кажется про житіе то мнѣ не надоб-но и говорить, да прочтохъ дѣянія апостольская и посланія Павлова. Апостоли о себѣ возвѣщали же, еда что Богъ содѣляетъ въ нихъ: *не намъ, Богу нашему слава;* а я ничтоже есмь. Рекохъ и паки рекохъ: азъ есмь человѣкъ грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мы-таремъ и грѣшникамъ, и всякому человѣку ли-цемъ окаянный; простите же и молитесь о мнѣ, а я о васъ долженъ о чтушихъ и послушаю-щихъ, больше того; жить не умѣю, и что сдѣ-лаю я, то людямъ и сказываю; пускай Богу о мнѣ молются, въ день вѣка вси же тамъ по-

знають содѣланная мною или благая или злая.
Но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ;
неученъ діалектикъ, реторикъ и философіи, а
разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже и Апо-
столъ глаголетъ: *аще и невѣжда словомъ, но
не разумомъ.*

Простите, еще вамъ про невѣжество свое по-
бесѣдую. Ей, сглупилъ, отца своего заповѣдь
преступилъ и сего ради домъ мой наказанъ бысть,
все Бога ради бысть. Егда еще я попомъ бысть,
духовникъ царевъ протопопъ Стефанъ Вонифать-
евичъ благословилъ меня образомъ Филиппа, мит-
рополита, да книгою святаго Ефрема Сирипа, се-
бя пользовать прочитая и люди. Азъ же окаян-
ный, презрѣвъ отеческое благословеніе, и прика-
залъ ту книгу брату двоюродному, по докучаю-
щему на лошадь промѣнялъ. У меня же въ дому
былъ братъ мой родной, именемъ Еуфимій: зѣло
грамотѣ гораздъ и о церкви велико прилежаніе
имѣлъ, напослѣдокъ взять былъ къ большой ца-
ревицѣ въ верхъ во псаломщика, а въ моръ и съ-
кеною скончался. Сей Еуфимій лошадь сію поилъ
и кормилъ и гораздо обѣ ней прилежалъ, прези-

рай правило многажды. И видѣ Богъ неправу
въ насть съ братомъ, — яко неправо по истина
ходимъ; я книгу промѣнилъ, отцеву заповѣдь про-
ступилъ; а братъ, правило презирая, о скотинѣ
прилежалъ, — изволилъ насть Владыко сице нака-
зать: и лошадь ту по почамъ и въ день стал
бѣси мучить, всегда мокра и заѣжжена и еле жи-
ва стала. Азъ же недоумѣюся, коя ради вин
бѣсь такъ озлобляетъ насть. И въ день недѣль-
ный послѣ ужина въ келейномъ правилъ на полу-
нощницѣ братъ мой Евфимій говорилъ кафизму
непорочную и завопи велиkimъ гласомъ: «прай-
на мя и помилуй мя!» и испустя книгу изъ руки
ударился о землю; отъ бѣсовъ пораженъ быстри
начать кричать и вопить гласы неудобными: по-
неже бѣси жестоко начаша его мучити. Въ дому
же моемъ, иные родные два брата, Косма и Ге-
расимъ, больше его, и не могли удержать егъ
Евфимія, и всѣхъ домашнихъ человѣкъ съ зем-
лей держа его, и рыдаютъ и плачутъ, вопіюще къ
Владыкѣ: «Господи помилуй! согрѣшили предъ
Тобою прогнѣвали Твою благостыню! прости
насть грѣшныхъ! помилуй юношу сего за молите-

святыхъ отецъ нашихъ! Азъ же въ то время по-
мощю божію не смущихся отъ голки той бѣсов-
скія; скончавше правило, паки началь молиться
Христу и Богородицѣ со слезами, глаголя: «Вла-
дычице моя, Преовятая Богородице! покажи, за
которое мое согрѣшеніе таковое ми бысть наца-
заніе, да уразумѣвъ, каяся предъ сыномъ твоимъ
и предъ тобою, впредь того не стану дѣлать.»
И плачуши послалъ въ церковь по требникъ и
святую воду сына своего духовнаго Симеона,—
юноша таковъ же, что и Еуфимій, лѣтъ 14, друже-
но межъ себя живуще Симеонъ со Еуфиміемъ,
книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляюще
и веселящеся, живуще оба въ подвигѣ крѣпко, въ
постѣ и молитвѣ. Той же Симеонъ плакаль по
другѣ своемъ, сходилъ въ церковь и принесъ
книгу и святую воду. Азъ же начахъ дѣйство-
вать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Ва-
силія съ Симеономъ; онъ мнѣ строилъ кадило и
свѣщу и воду святую подносилъ, а прочіи дер-
жали бѣснующагося. И егда въ молитвѣ рѣчь до-
шла: *азъ ти о имени господни повелъваю, ду-
ше нѣмый и глухий, изыди отъ созданія сего и*

*

из толку не сиди съ него, по иди на пустое место, иолже человѣкъ не жистъ; но некою Богъ прозираєшъ, — бѣсь же не слушаєшъ, не идеть къ брата. И я паки туже рѣчь въ другой рядъ, и бѣсь еще не слушаєшъ, пуще мучить брата. Охъ! горе мнѣ! какъ молвить соромъ? и не сиѣю и по старцеву Елисееву повелѣнію говорю; сиѣде бы́ло: взялъ кадило и покадилъ образы и бѣснаго и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ чать; возстань же, туже Василіеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ создавія сего! Бѣсть же скорчилъ въ кольцо брата и, прижавшися, изыде и сѣль на окно. Брать же, бывъ яко мертвъ, азъ же покропилъ его водою святою; онъ же, очиняся, перстомъ мнѣ на бѣса, сидящаго на окнѣ, показуетъ, а самъ не говорить, связавшуся языку его; азъ же покронилъ водою окно и бѣсть сонель въ жерновный уголъ. Брать же и тамъ его показуетъ; азъ же и тамъ покропилъ водою, бѣсть же оттолѣ пошелъ на печь. Брать же и тамъ указуетъ, азъ же и тоюже водою, брать же указалъ подъ печь и самъ перекрестился, и азъ ве помолъ за бѣсомъ, но напоихъ святою водою

брата во имя господне. Онъ же, вздохия изъ глубины сердца, сице ко мнѣ проглагола: «спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и двухъ князей бѣсовскихъ! будетъ тебѣ быть челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту да и мальчику тому, спаси Богъ, который въ церковъ по книгу и по воду ходилъ, пособляя тебѣ биться съ ними, подобіемъ онъ, что и Симеонъ же другъ мой; подлѣ рѣки Сундовика меня водили и били и сами говорятъ: намъ-де ты отданъ за то, что братъ твой Аввакумъ на лошадь промѣнялъ книгу и де ее любить, такъ де мнѣ надобѣ брату поговорить, чтобы книгу ту назадъ взялъ и за нее бы далъ деньги двоюродному брату». И я ему говорю: «я, рѣку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ». И онъ мнѣ отвѣщалъ «Какой ты мнѣ братъ, ты мнѣ батько; отнялъ ты меня у царевича и у князей, а братъ мой на Лопатищахъ живеть, будетъ тебѣ быть челомъ.» Азъ же паки далъ ему святыя воды, онъ же и судно у меня отнимаетъ и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить, ночь всю зимнюю простипалъ. Маленько я съ нимъ полежалъ и пошелъ

въ церковь заутреню пѣть: а безъ меня бѣси па-
ки на него напали, но легче прежняго. Азъ же,
пришедъ отъ церкви, масломъ его посвятиль и
паки бѣси отъидоша, и умъ цѣль сталъ; но дряхль
бысть, отъ бѣсовъ изломанъ: на печь погляды-
ваетъ и оттолѣ боится, егда куда отлучуся, и
бѣсы навѣтовать ему стануть. Былся я съ бѣса-
ми, что съ собаками, недѣли съ три за грѣхъ
мой, дондеже взялъ книгу и деньги за нее от-
далъ и сходилъ къ другу своему, Иларіону игу-
мену; онъ просвиру вынулъ за брата, тогда до-
бро жилъ, что нынѣ архіепископъ рязанской,
мучитель сталъ христіанской. Инымъ духовнымъ
я быль челомъ о братѣ и умолили Бога о нась
грѣшныхъ и освобожденъ бысть отъ бѣсовъ братъ
мой. Таково-то зло преступленіе заповѣди оте-
ческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди
господни? Охъ! да только огонь да муки; не знаю,
дни коротать какъ. Слабоуміемъ обять и ли-
цемѣремъ и лжею покрыть есмь; братоненави-
дѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во осужденіи
всѣхъ человѣкъ погибаю и, мняся нѣчто быти я,
каль и гной есмь окаянный, прямое говно, от-

всюду воняю душою и тѣломъ; хорошо мнѣ жить съ собаками да со свиньями въ конурахъ: также и онъ воняютъ, что и моя душа злосмрадною вонею, да свиньи и пси по естеству, а я отъ грѣховъ воняю, яко несъ мертвый, поверженъ на улицѣ града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли: себѣ ужъ хотя воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей добро такъ! Да и въ темницу то ко мнѣ бѣшеной зашелъ, Кирилушки, московской стрѣлецъ караульщикъ мой: остригъ его азъ и вымылъ, платье перемѣнилъ, зѣло вшей было много; замкнуты мы съ нимъ двое жили и третій съ нами Христосъ и Пречистая Богородица. Онъ миленькой бывало сереть и ссыть подъ себя, а я его очищаю; Ѣсть и пить просить, а безъ благословенія взять не смѣеть, у правила стоять не захотеть: діаволъ сонъ ему наводить, и я постегаю четками, такъ и молитву творить станетъ и кланяется, за мною стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станетъ, при мнѣ бѣснуется и шалуетъ а, егда ко старцу пойду, посмотрѣть въ его темницу и его положу на лав-

иу, не вело сиу вставать и благословио сго и
лежалъ у старца сиу, лежитъ, не встаетъ,
Богородъ привезенъ лежа блескется. А въ голо-
вахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квасъ
и прочая, а ничего безъ меня не тронетъ; какъ
врѣду, вставать и діаволъ миъ десаждаетъ и
блудить заставляестъ; я закричу, такъ и сидеть.
Егда стряплю, въ то время ясть просить и украдь
тищится до времени обѣда, а егда предъ обѣдомъ
отче пати и проговорю и благословлю, такъ того
брашна и не ясть, просить неблагословленаго; и
я сиу силою въ ротъ напихаю, а онъ и плачетъ
и глотаетъ. И какъ рыбю покормлю, тогда
бѣсъ въ немъ вздывьчится и самъ изъ него го-
ворить: «ты же де меня ослабилъ»; и я, плакав-
ся предъ Владыкою, опять постомъ стягну и о-
крещу его Христомъ, также масломъ его освя-
тилъ. И отрадило ему отъ бѣса, жилъ со мною
съ мѣсяцъ и больше; предъ смертью образумилъ-
ся; я исповѣдывалъ его и причастилъ. Онъ же
преставился миленькой скоро, и я, гробъ купя
и саванъ, велѣль погребсти у церкви, попомъ соро-
коустъ даль, лежалъ у меня мертвый сутки и

я, ночью вставъ, помоля Бога, благословя его мертваго и съ нимъ поцѣловався, опять подлѣ его спать лягу: тѣварищъ мой миленькой быль. Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я также умру!

Да у меня же былъ на Москвѣ бѣшеной Филиппомъ звали; какъ я изъ Сибири пріѣхалъ, въ избѣ въ углу прикованъ былъ къ стѣнѣ, понеже въ немъ бѣсь былъ супровъ и жестокъ: гораздо бился и дрался и не могли съ нимъ домочадцы ладить. Егда же азъ грѣшный со крестомъ и съ водою прииду, повиненъ бываетъ и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ христовыи и ничего не смѣеть надо мною дѣлать, и молитвами святыхъ отецъ сила божія отгнала отъ него бѣса, но токмо умъ несовершенъ былъ. Феодоръ былъ надъ нимъ юродивой приставленъ, что на Мезени вѣры ради христовы отстуники удавили; псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ его Іусовой молитвѣ; а я самъ во дни отлучающеся отъ дому, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ Филиппомъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Феодора Ртищева зѣло

печаленъ, понеже въ дому у него съ еретиками шумѣлъ много о вѣрѣ и о законѣ; а въ моемъ дому въ то время учинилося нестройство: проповѣди моя со вдовою домочадицею Фотиніею между собою побралились, діаволъ ссорилъ ихъ ни за что. И я, пришедъ, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ, гораздо опечали, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсь вздивялъ въ Филиппѣ: и началъ чель ломать, бѣясь, и кричать неудобно, на всѣхъ домашнихъ нападе ужасъ и зѣло голка бысть велика. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотѣлъ его укротити; но не бысть по прежнему: ухватилъ меня и учалъ бить и дратъ и всяко меня яко паучину терзаетъ, а самъ говоритъ: «попалъ ты мнѣ въ руки». Я токмо молитву говорю да безъ дѣлъ не пользуетъ и молитва; домашніе не могутъ отнять, а я и самъ ему отдался, вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ! Но чуденъ Господь: бьетъ и ничто не болить! Потомъ бросилъ меня отъ себя, и самъ говоритъ: «не боюсь я тебя»; мнѣ въ тѣ поры горько стало: «бѣсь,—реку,— надо мною волю взялъ». Полежалъ маленько, съ

совѣстю собрался; возставъ же, жену свою сыскалъ и предъ нею сталъ прощаться со слезами, а самъ ей, въ землю кланяясь, говорю: «согрѣшилъ, Настасья Марковна! прости меня грѣшнаго!» она мнѣ также кланяется. По семъ и съ Фетиньею тѣмъ же образомъ простился; также легъ среди горницы и велѣлъ всякому человѣку бить себя плетью по пяти ударовъ по окаянной спинѣ; человѣкъ было 20: и жена, и дѣти и всѣ, плачуучи, стегали; а я говорю: «аще кто бить меня не станетъ, да не имать со мною части въ царствіи небеснѣмъ». И они нехотя бьютъ иплачутъ, а я ко всякому удару по молитвѣ. Егда же всѣ отбили и я воставши, сотворилъ предъ ними прощеніе. Бѣсь же, видѣвъ неминучую бѣду, опять вышелъ вонъ изъ Филиппа, и я крестомъ его благословилъ; и онъ по старому хорощъ сталъ и потомъ исцѣлѣлъ божіею благодатію о Христѣ Іусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки. Аминь.

А егда я былъ въ Сибири, туда еще ѻхалъ и жилъ въ Тобольскѣ, привели ко мнѣ бѣшенаго, Феодоромъ звали; жестокъ же былъ бѣсь въ

немъ: «соблудилъ въ великъ день съ женою своею, наруша ираздникъ,—жена его сказывала,—да и взбѣсился». И я въ дому своемъ держа мѣсяца съ два, стужалъ объ немъ Божеству: въ церковь водилъ, и масломъ освятилъ и помиловалъ Богъ, здравъ бысть и умъ исцѣлъ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть литургію, во время переноса и досадилъ мнѣ; азъ въ то время побилъ его на крылосѣ и въ притворѣ велѣль пономарю приковать къ стѣнѣ и онъ, вышатавъ пробой, пуще первого взбѣсясь, въ обѣднюю ушелъ на дворъ къ большому воеводѣ, и сундуки разломавъ, платье княгинино на себя вздѣлъ, а ихъ разгонялъ. Князь же, осердясь, многими людьми въ тюрьму отташили; онъ же въ тюрьмѣ юзниковѣ бѣдныхъ всѣхъ перебилъ и печь разломалъ; князь же велѣль его въ деревню къ женѣ и дѣтямъ сослать. Онъ же, бродя въ деревняхъ, велики пакости творилъ; всякъ бѣгаєтъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воеводы, осердясь. Я по немъ предъ Владыкою плакалъ всегда. По семъ пришла грамота съ Москвы: велико меня сослать съ Тобольска на Лену, вели-

кую рѣку. И егда въ петровъ день собрался, въ дощеникъ пришелъ ко мнѣ Феодоръ цѣлоуменъ; на дощеникѣ при народѣ покланяется на ноги мои и самъ говоритъ: «спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что помиловалъ меня! по пустынѣ-де бѣжалъ третьяго дня, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ и бѣси-де прочь отбѣжали отъ меня и я пришелъ къ тебѣ поклониться и паки прошу благословленія отъ тебя». Азъ же, на него глядя, поплакалъ и возрадовался о величинѣ божіи, понеже о всѣхъ насть печется и промышляетъ Господь: его исцѣлилъ, а меня возвеселилъ. И поуча его, благословия, отпустилъ къ женѣ его и дѣтямъ въ домъ; а самъ поплылъ въ ссылку, моля о немъ Христа, Сына Божія свѣта, да сохранитъ его и впредь отъ непріязни. А назадъ я ёдучи, спрашивалъ про него, мнѣ сказали: «преставился-де послѣ тебя, года съ три живучи христіански съ женою и съ дѣтьми»; ино и добро, слава Богу о семъ! Простите меня, старецъ съ рабомъ тѣмъ христовыми; вы мя понудисте сіе говорить, а однако ужъ развязкался еще повѣсть вамъ скажу.—Какъ въ попахъ еще

быть, таъ же, гдѣ бѣси мучили, была
у меня въ дому моей вдовы молодая, давно
ужъ и она ей забыть, помнится Афимьею
звали. Ходить и страшнасть и все хорошо до-
лжность; какъ станеть въ вечеръ правило начи-
нать, такъ ее бѣсь ударить о землю, омертвѣеть
вся, яко камень станеть и не дышитъ, кажется
растянуть ее среди горницы и руки и ноги, ле-
житъ яко мертвa. И я о *осенльту* проговоря,
кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на
голову и молитвы Василіевы въ это время го-
ворю; такъ голова подъ крестомъ и свободна
станеть, баба и заговорить, а руки, и ноги и
тѣло еще мертвa и каменно. И я по рукѣ по-
глажу крестомъ, такъ и рука свободна станеть;
я и по другой, и другая также освободится; и
по животу, такъ баба и сядеть; ноги еще ка-
мennы, не смѣю туда крестомъ гладить. Думаю
думаю: и ноги поглажу, баба и вся свободна
станеть. Вставше, Богу помолясь да и мнѣ че-
лоимъ, прокуда таки ни бѣсь ни что былъ въ ней,
много времени такъ въ ней игралъ; масломъ ея
освятиль, такъ вовсе отогналъ прочь, исцѣленіе

Богъ даль. А иное два Василія у меня бывали прикованы бѣшеные, странно и говорить про нихъ: каль свой яли.

А еще сказать ли тебѣ, старецъ, повѣсть? блазновато кажется да было такъ. Въ Тобольскѣ была у меня дѣвица, Анною звали: дочь ми духовная, гораздо о правилѣ прилежала и церковномъ и келейномъ, и всю міра сего красоту вознебрегла. Позавидѣ діаволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о первомъ хозяинѣ своемъ Елизарѣ, у него же возрасла, привезена изъ полону изъ кумыковъ: чистотою дѣвство сблюла и, егда исполнилася плодовъ *благихъ, діаволъ окралъ: захотѣла отъ меня отъити и за первого хозяина за мужъ пойти и плакать стала всегда. Господь пустилъ на ее бѣса, смиряя ее, понеже и меня не стала слушать ни въ чемъ и о поклонахъ не стала радѣть: егда станемъ правило говорить, она на мѣстѣ станетъ, прижавъ руки, да такъ и простоитъ. Видѣ Богъ противленіе ея, послалъ бѣса на нее: въ правилѣ стоящу ей, да и взбѣсится, и мнѣ бѣдному жаль: крестомъ благословлю и водою покроплю, такъ

*

и отступить отъ нея бѣсъ. И многажды такъ бысть. Она же единаче въ безуміи своеемъ и непокорствѣ пребываетъ. Благохитрый же бѣсъ инако ее наказалъ: задремала въ правилѣ да и повалилась на лавку спать и три дни и три нощи спала, не пробудяся; я лишь ее по временамъ кажу спящую, тогда сегда вздохнетъ, чаю умреть; въ 4 день очнулась, сѣла да плачетъ; ясть ей даютъ, не ясть. Егда я правило келейное скончавъ и домочадцевъ, благословя, распустилъ, паки начахъ во тьмѣ безъ огня поклоны класть; она же съ молитвою втай приступила ко мнѣ и пала на ноги мои. И я отъ, нея отшедъ, сѣль за столъ; и она, приступя паки къ столу и плачуши, говорить: «послушай государь! велико тебѣ сказать». Я сталъ слушать у нея: «Егда де я въ правилѣ задремала и повалилась приступили ко мнѣ два ангела и взяли меня, и вели меня тѣснымъ путемъ, и на лѣвой сторонѣ плачь и рыданіе и гласы умиленны; потомъ-де меня привели во свѣтлое мѣсто зѣло гораздо красно и показали-де многія красныя жилища и палаты; а всѣхъ-де краше палата неизрѣчен-

юю красотою сияеть паче всѣхъ и велика гораздо; ввели-де меня въ нее: ино-де стоять столы, и на нихъ послано было, и блюда съ брашнами стоять; по конецъ-де стояло древо кудряво, повѣваетъ и красотами разными украшено; въ древѣ-де томъ птичи гласы слышала я, а топерва-де не могу про нихъ сказать,— каковы умилны и хороши; а подержавъ же меня паки изъ палаты повели и сами говорятъ: «знаешь ли, чья палата сія?» и азъ отвѣщала: «не знаю, пустите меня въ нее»; они же отвѣщали: «отца твоего, протопопа Аввакума, палата сія: слушай его и живи такъ, какъ онъ тебѣ показываетъ персты слагать и креститься и кланяться, Богу молясь, и во всемъ не противься ему, такъ и ты будешь съ нимъ здѣсь; а буде не станешь слушать, такъ будешь въ давищнемъ мѣстѣ, гдѣ плаканіе то слышала; скажи же отцу своему; мы не бѣси водили тебя, смотри у насъ папорты, бѣси де не имѣютъ того, и-я де батюшко, смотрѣла, бѣло у ушей тѣхъ ихъ.» Да и поклонилася мнѣ, прощенія прося; потомъ паки исправилася во всемъ. Егда меня сослали изъ Тобольска, и я оста-

виль ее у сына духовнаго; тутъ хотѣла постригнися, а діаволъ опять сдѣлалъ по своему. Пошла за Елизара за мужъ и дѣтокъ прижила; и по 8 лѣтѣхъ услышала, что я ъду назадъ, отпросилася у мужа и постриглась. И какъ за мужемъ быда, по временамъ Богъ наказывалъ, бѣсь мучилъ ее. Егда же азъ въ Тобольскъ прїхалъ, за мѣсяцъ до меня постриглась и принесла ко мнѣ два дѣтища, и, положа предо мною робятишекъ, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Азъ, предъ человѣки смиряя ее, многажды на нее кричалъ, она же прощается во преступленіи своемъ, каяся предъ всѣми; и егда гораздо ее утрудилъ, тогда совершенно простилъ. Въ обѣдни за мною въ церковь вышла и нападе на нее бѣсь во время переноса, учала кричать и вопить, собакою лаять и козою блекотать, и кукушкою куковать; азъ же сжалихся объ ней: покиня херувимскую пѣснь, взявши отъ престола крестъ и на крылосъ взошелъ, закричалъ: «Запрещаю ти именемъ господнимъ, полно тебѣ бѣсь мучить ее; Богъ проститъ ее въ сей вѣкъ и въ будущій». Бѣсь же изыде изъ нея. Она же

притече ко мнѣ и пала иредо мною за июже ви-
ну; азъ же креотомъ благословя, и съ тѣхъ
мѣсть простиль, и бысть здрава душою и тѣ-
ломъ, со мною и на Русь выѣхала. И какъ ме-
ня стригли, въ томъ году страдала съ дѣтьми
моими отъ Павла митрополита на патріарховѣ
дворѣ вѣры ради и правости закона; довольно
воловиши и мучили ее; имя ей во иноцѣхъ Агафія.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали ма-
тери дѣтокъ своихъ маленькихъ: скорбію одер-
жимы грызною, и мои дѣтки егда скорбѣли во
младенчествѣ грызною болѣзню и я масломъ
священнымъ съ молитвою пресвитерскою пома-
жу вся чувства и, на руку масла положа, мла-
денцу спину вытру и шулятки и божію благо-
датію грызная болѣзнь и минуется во младенцѣ.
И аще у кого отрыгнетъ скорбь, и я такъ соз-
творю, и Богъ совершенно исцѣляетъ по своему
человѣколюбію. Егда я еще былъ попомъ съ пер-
выхъ временъ, какъ къ подвигу касаться сталъ,
бѣсь меня пуживаль сице: изнемогла у меня же-
на гораздо и прїехалъ къ ней отецъ духовный;
азъ же изъ двора пошелъ по книгу въ церковь

нощю глубокою, по чему исповѣдаться. И егда на паперть пришелъ, стольникъ до того стоялъ, а егда азъ пришелъ, бѣсовскимъ дѣйствомъ скачеть стольникъ на мѣстѣ своемъ. И я, не устрашась, помоляся предъ образомъ, осѣнилъ рукою стольникъ и, пришедъ, поставилъ его и пересталъ играть. И егда въ трапезу вошелъ, тутъ иная бѣсовская игра: мертвецъ на лавкѣ въ трапезѣ въ гробѣ стоялъ и бѣсовскимъ дѣйствиемъ верхняя раскрылася доска и саванъ шевелиться сталъ, устрашая меня; азъ, Богу помолясь, осѣнилъ рукою мертвца и бысть по прежнему все, аио ризы и стихари летаютъ съ мѣста на мѣсто, устрашая меня; азъ же помоляся и поцѣловавъ престолъ, рукою ризы благословилъ и пощупалъ, приступя; а онъ по старому висять. Потомъ, книгу взявъ, изъ церкви пошелъ. Таково то ухищреніе бѣсовское къ намъ! да полно того говорить. Что крестная сила и священное масло надъ бѣшенными и больными не творить бо жею благодатию? да намъ надобъ помнить сие: не насъ ради, не намъ, но имени своему Господь славу даетъ. А я грязь, что могу сдѣлать, аще

не Христосъ? Плакать и не подобаетъ въ себѣ; Іуда чудотворецъ быль, да сребролюбія ради ке діаволу попалъ, и самъ діаволъ на небѣ быль, да высокоумія ради сверженъ бысть; Адамъ быль въ раю; да сластолюбія ради изгнанъ бысть и 5500 лѣтъ во адѣ быль осужденъ. По семъ разумѣя всякъ, да мняйся стояти, блюdetся, да ся не падеть; держись за христовы ноги и Богородицѣ молись и воимъ святымъ, такъ будеть хорошо!

Ну, старецъ, моего вѣканья вѣдь много ты слышалъ, о имени господни повелѣваю ти: напиши и ты рабу тому христову: какъ Богородица бѣса того въ рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи те тебя яли за тайное-ть удѣ, и какъ бѣсо-ть дрова тѣ сожегъ и какъ келья-то обгорѣла, а въ ней цѣло все; и какъ ты кричалъ на небо-то, да иное что вспомнишь во славу Христу и Богородицѣ. Слушай же, что говорю: не станешь писать, я осержусь! Любилъ слушать у меня: чего соромишься, скажи хотя немножко. Апостоли Павель и Варнава на соборѣ сказывали же во Іерусалимѣ предъ всѣми, елика

сотори Богъ запаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними, въ Дѣян. зач. 35, и 42, и величашеся имя Господа Іуса, инози же отъ вѣровавшихъ приходаху исповѣдающе и сказующе дѣла своя, да и много того найдется въ Апостолѣ и въ дѣяніяхъ. Сказывай не бойся, лишь совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ищи, говоря но Христу и Богородицѣ. Пускай рабъ христовъ веселится, чтучи! Какъ умремъ, такъ онъ почтеть да помянетъ предъ Богомъ насть, а мы о чтушихъ и послушающихъ станемъ Бога молить, наши они люди и будутъ тамъ у Христа а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Цѣна 75 коп. сер.

Princeton University Library

32101 073672105

